

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

**ДОЛИНА
СОВЕСТИ**

ФАНТАСТИКА-АЛЬТЕРНАТИВА

ЭКСМО

Марина и Сергей Дяченко

Долина Совесть

«Автор»

2001

Дяченко М.

Долина Совесть / М. Дяченко — «Автор», 2001

Герой этой книги обаятелен и, без сомнения, талантлив. Друзья не мыслят себя без него. Мама души в нем не чает. Женщины стоят у него под окнами. У всеобщей любви есть лишь одна темная сторона: всякий, кто встретится на его пути, рискует жизнью. Кто сумеет без потерь пересечь Долину Совесть?

© Дяченко М., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	46
Часть вторая	57
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина и Сергей Дяченко

Долина Совесть

© Дяченко М., Дяченко С., 2007

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

* * *

Часть первая

...Я чудовище.

Внешне я ничем не отличаюсь от миллионов других людей. У меня круглое лицо, карие глаза, темные волосы, узкие губы и мягкие уши. В апреле на щеках высыпают веснушки. Я не кажусь опасным. Мне часто симпатизируют.

Послушай! Мне так нужен хоть кто-нибудь, знающий обо мне всю правду... Разрешь, я буду писать тебе? Только писать? Если не хочешь – не отвечай...

Я ведь не всегда был таким.

Это началось, когда мне было лет двенадцать или тринадцать.

Потом как-нибудь – потом! – я тебе расскажу...

Глава 1

Мальчики

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Собственно говоря, дружить с Кукушкой он не собирался тоже; в идеале Влад не хотел бы иметь с Кукушкой ничего общего, но идеал этот был недостижим. Общими оставались странство, учителя и перемены – особенно перемены, время нужное и полезное, но отравленное Кукушкиным присутствием.

Когда-то очень давно – классе во втором – они подрались. То была, вероятно, совсем детская драка – со слезами, соплями, тычками и подножками; теперь Влад думал, что она даже смешной казалась со стороны, эта памятная обоим драка. Но именно после нее Кукушка перестал называть Влада тем самым словом, которое так отравило ему первый школьный год: в переводе на человеческий язык это короткое гадкое слово означало «сын гулящей женщины, за ненадобностью подкинутый под чужую дверь».

И еще – после той драки Влад получил возможность не враждовать с Кукушкой и не дружить с ним. Он ценил свою независимость и не собирался рисковать ею, прекрасно понимая, что *теперь* драться придется совсем не с Кукушкой. Скорее всего, драки вообще не будет, а будет жизнь, превращенная в ежедневный ад, вот как у Ждана...

Собственно, из-за Ждана все и случилось. Из-за того, что у Ждана был день рождения.

У забытых и презираемых тоже бывают дни рождения. И самые наивные из них иногда надеются круто изменить свою жизнь – именно в этот день; Ждан явился в школу в белой и чистой – удивительное дело! – сорочке и неновом, но вполне приличном костюмчике. Ждан принес кулек шоколадных конфет и гитару; и то и другое с какой-то суетливой таинственностью спрятал за вешалкой. Кукушка наблюдал с усмешкой; день начался как обычно – Глеб Погасий, подсевший к Ждану по собственной инициативе, в начале урока поднял руку:

– Можно, я пересяду?

Кукушка смотрел благосклонно. Девчонки хихикали; Глеб пробормотал извиняющимся тоном:

– Не могу, от этого мальчика опять так воняет...

– Вечно одно и то же, – раздраженно бросил математик.

Глеб пересел – присоседился к Владу; Ждан терпел. Он еще не то терпел; возможно, сейчас он тешил себя мыслью, что *это* – в последний раз.

Ждан вовсе не был слабаком или тютей и, уж конечно, не был дураком. Ждан если и был полноват, то не слишком; просто он не подружился вовремя с Кукушкой – и поплатился за это тяжелее прочих, потому что у него была одна несчастная особенность: от него воняло.

Вероятно, его пот имел какой-то специфический состав. Вероятно, ему следовало почаще мыться; чем старше становился Ждан, тем заметнее делался запах, тем веселее шутили Кукушкины друзья, тем демонстративнее морщились девчонки.

Но сегодня был день рождения Ждана, и, возможно, накануне он два часа просидел в остывающей кадushке с раскисшим мылом в руках (Влад знал, что в квартале, где обитала семья Ждана, горячая вода бывает только в кадushках, и то – если ее предварительно согреешь в котле, а уголь в этих домах берегут как зеницу ока). Так или иначе – но от Ждана почти не пахло, и демарш Глеба на первом уроке был всего лишь цирком в угоду Кукушке, впрочем, как всегда...

На большой перемене Ждан носился по классу, раскладывая конфеты по партам, всем по две, а Кукушке – четыре. Потом, ударяя по струнам судорожно скрюченной рукой, что-то спел – совсем неплохо; Кукушка слушал, жуя, и по выражению его физиономии нельзя было понять ничего – странная безучастность на лице двенадцатилетнего мальчишки...

Впрочем, к тому времени Кукушке уже почти исполнилось тринадцать.

Прихлебатели тоже жевали и слушали – старательно нагоняя на лица скуку, им это было нелегко, потому что из-под наигранного равнодушия так и лезла привычная ухмылка. Линка Рыболов, ближайшая Кукушкина подруга, что-то шептала ему сзади на ухо; Кукушка кивал. Когда Ждан закончил петь, Кукушка вытащил изо рта белый комочек жвачки – но пульнул его не в Ждана, как ожидали многие, а в классную доску.

К налипшему шарiku сразу же добавилось еще пять или шесть – доска сделалась похожей на звездное небо, а Ждан просиял, потому что Кукушкин жест означал для него амнистию...

Во всяком случае, так ему показалось.

Перед самым звонком дежурные поспешно очистили доску и убрали валяющиеся в проходах фантики; оставшиеся три урока минули без происшествий, разве что Ждан отличился, напросившись на ответ по географии и получив заслуженную пятерку...

А после уроков все тот же Глеб Погасий зачем-то подошел к Ждану прощаться. И прощался долго и проникновенно, так, что именинник смутился; когда Глеб отошел, в последний раз хлопнув Ждана по плечу, на спине у того остался наклеенный липкой лентой листок бумаги.

Линка Рыболов спряталась за шкаф, зажала рот руками и зашлась в беззвучной смеховой конвульсии.

Прочие отводили взгляд. Кто-то хихикнул – и сразу сник под Кукушкиным взглядом; Ждан почуял неладное, но не понял, откуда беда. Именинное настроение еще не померкло, еще верил, глупенький, что Кукушку можно подкупить четырьмя шоколадными конфетами...

Те, кто не желал принимать участие в шутке – в основном девчонки, – поспешно смылись. Прочие копались в портфелях, ожидая, пока уйдет Ждан, чтобы сразу же выйти следом.

Влад разглядел табличку, когда Ждан был уже в дверях. Коротенькое гадкое слово, означавшее пожирателя какашек, снабжено было подробной чернильной иллюстрацией – как именно, где и кем эта трапеза совершается.

Влад не первый год учился в одном классе с Кукушкой и умел разговаривать не только по-человечески, но и на хлестком «кукушкином» языке – однако его чуть не стошнило. Он узнал руку Линки Рыболов – та не раз брала призы на каких-то конкурсах юных художников...

Ждан брел по длинному школьному вестибюлю; Владу вдруг страшно захотелось, чтобы по дороге ему встретился кто-то из учителей. Чтобы заметил белую бумажку на черной школьной курточке – и отлепил ее от сгорбленной спины именинника.

А потом последует нудный «воспитательный» час, нотации и выяснения, и Ждан, опять оказавшийся в центре всеобщего издевательского внимания, будет сидеть, втянув голову в плечи (он ведь старается не плакать на людях!). А Глеб Погасий снова будет объяснять, что от этого мальчика воняет, а Линка Рыболов, красивая девчонка с почти сформировавшейся фигурой, будет хлопать длинными ресницами и отпускать реплики, будто оправдываясь, и полкласса будет валиться под парты от смеха...

Нет. Пусть лучше Ждан придет домой (через три длинные улицы) и, сняв куртку, сам обнаружит на спине своей художественную наклепку. Никто не увидит его лица – если рядом не окажется матери или сестер. Потом соберутся гости – взрослые приятели Ждановых родителей, будут громко пить за его здоровье, а Ждан запрется в своей комнате...

Влад вдруг ясно понял, что на месте Ждана в такой ситуации просто лег бы и умер. Вот окошел бы от стыда и унижения – под здравицы пьяных гостей, доносящиеся из-за тонкой стены...

Школьный вестибюль был пуст – младшеклассники давно разошлись, старшие были уже на седьмом уроке. На расстоянии двадцати шагов за Жданом следовали, давя смех, Кукушкины прихлебатели. Ждан толкнул входную дверь.

Влад не собирался ссориться с Кукушкой. Вот если бы сегодня в школу пришел Димка Шило, Владов друг, – они бы вдвоем что-нибудь придумали... Но Димку сегодня повели к врачу, и его не будет. Влад совсем один, и зачем ему ввязываться...

Длинные шнуры Ждана стелились по земле. Владу ничего не стоило наступить ненароком на один из них, так что при следующем шаге Ждана из неаккуратного бантика получились две еще менее аккуратные веревочки.

– У тебя шнурок развязался, – сказал Влад равнодушно.

И, когда Ждан наклонился, чтобы восстановить погибший бантик, – протянул руку и отлепил картинку с его спины. Скомкал и сунул в карман.

– Ты чего? – спросил Ждан, что-то уловивший краем глаза.

– Ничего, – сказал Влад.

Ждан подозрительно на него покосился. Потом сделал то, чего не делал ни разу в жизни, – подошел к тройному зеркалу, помещавшемуся у входа, и осмотрел в него свою спину...

Ничего не увидел, пожал плечами – и пошел домой. Отмечать день рождения.

* * *

– Ты оборзел, придурок? Ты это рисовал, что теперь рвешь, засранец вонючий? Ты, блевотун, всему классу кайф обломал!

Глеб Погасий шипел, брызгая слюной, и зловеще прищуривал глаз, но Влад прекрасно понимал, что ему нужен сейчас не Глеб. Что единственное его спасение... Если оно вообще-то есть, спасение... Что оно стоит у Глеба за спиной, шагах в пяти. Что нужно до него добраться – сейчас. Завтра будет поздно... Завтра только ленивый не наклеит свою жвачку на его портфель, не плюнет в стакан с яблочным соком, не подхватит радостно то самое слово, так отравившее первый школьный год и теперь извлеченное – молодец Кукушка, ничего не забывает! – из каких-то особенных сундуков с отложенными до времени подлостями...

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Владу ни к чему был этот демарш. Ждан не один год жил официальной жертвой. Это Влад полез бы вешаться от какой-то там бумажки, а Ждан – он выносливый...

По физкультуре у Влада было «четыре». Он неплохо бегал и здорово играл в футбол, зато подтягивался плохо и силовых упражнений не любил. Вот если бы рядом оказался Димка Шило... Если бы сегодня, именно сегодня не вмешались в ход событий проклятые Димкины гланды...

Оставалась призрачная возможность, что все обойдется. Что завтра ничего не изменится. Забудут, не захотят связываться, простят, и надо только состроить гримасу попрезрительнее, обойти Глеба – он все равно не дерется, только языком пачкает – и идти, идти себе спокойно домой...

А Кукушка, стоявший у Глеба за спиной, был, несомненно, доволен. Что ему Ждан, давно наскучившая игрушка, когда можно прищучить кое-кого поинтереснее...

Не сводя глаз с орущего Глеба, Влад прижал подбородок к груди.

Как противно, как пусто, как щекотно в животе. Как слабеют колени. Как просто повернуться и уйти... перепрыгнув через Глебову подножку...

Рядом стояли Супчик и Клоун, оба на голову выше Влада, да и Кукушки выше на голову, переростки. Надо разозлиться, но злости нет. Только страх и брезгливость, но страх сильнее. Ну что вспомнить, ну?! Как Кукушка сует дохлого котенка в портфель Марфе Чистойрой? Как Кукушка, привязав веревку к лапе живого воробьяныша, раскручивает его над головой под гогот прихлебателей? Как Кукушка лепит комочек жвачки на лоб покорного Ждана?

Вместо всего этого вспомнилось одно короткое слово. «Сын гулящей женщины, за ненадобностью подки...»

Удар Супчика удалось отбить, но рука сразу онемела. Удар Клоуна пришелся в ухо – у Влада потемнело в глазах, а мир вокруг запищал, но не по-комариному, а так, как пищит иногда забытый телевизор, показывая настроечную таблицу...

«Сын гулящей женщины... за ненадобностью...»

Супчик скорчился, держась за бок. Из носа Клоуна летели какие-то бесцветные брызги, а Владов нос давно превратился в бесформенный комок боли. У Кукушки были мягкие, очень коротко стриженные волосы, зато ухо было большое, удобное, и...

Тьма перед глазами сгустилась.

– Дай ему! Дай ему еще! – надрывалась где-то рядом Линка Рыболов.

...и ни капли страха.

* * *

Влад стоял над светло-коричневой лужей в форме сердца. В луже отражались огромные ноги, выше маячили в рыжем небе узкие плечи, а над ними – совсем уж маленькая голова. Отражение подергивалось от ветра и оттого, что из разбитого носа нет-нет да и падала тяжелая капля.

Совсем рядом были чьи-то куры, бродящие у подножия детской железной горки. Ниже по склону – красные черепичные крыши, весенняя грязь на размытой дороге, причем на обочине валялся башмак, широко зевая беззубым, на клею, ртом...

В глубине души Влад надеялся, оказывается, что все это будет серьезнее. Что в один прекрасный момент он просто потеряет сознание, а потом над ним склонятся, как в кино, хлопотливые врачи, что случится «Скорая помощь», шум и разговоры, и большое собрание в школе, что героя, бившегося в одиночку против многих, будут ставить на ноги долго и трепетно, что все станут уважать его, и недельки через четыре, когда наконец он, бледный и похудевший, явится в свой класс – там уже не будет ни Кукушки, ни половины его прихлебателей, а оставшиеся – например, трусливый Глеб Погасий – станут по струнке и не посмеют больше слова сказать без разрешения...

Теперь он был даже разочарован. Потому что нос болел ужасно, куртка была разорвана во многих местах, колено не сгибалось... и ничего геройского в этом не было. Придется самому хромать домой и объяснять маме, что случилось, и видеть, как опускаются уголки ее рта и как оседают плечи. А завтра – ну, пусть не завтра, но послезавтра точно... придется идти в школу, не победителем, а побитым, подставлять лоб под жвачку, подставлять зад под унижительные пинки исподтишка, с хихиканьем, с шуточками... Читать всякие надписи на стенах в туалете, а как их не прочитать, если они полуметровые...

И это проклятое слово!..

Он переступил с ноги на ногу, по луже кругами разошлись маленькие волны. Куры, подбравшиеся совсем близко, шарахнулись прочь.

...Придется драться, драться, драться. За каждую ухмылку следует бить по морде, а сколько их будет? Влад невольно потянулся к носу, коснулся и отдернул руку – черт, как больно.

И Димке достанется – из-за него, из-за Влада...

А что скажет мама?!

Придется бросить сочинительство и шахматы и пойти на какой-нибудь бокс... или бой без правил... Мечтать о реванше... И всю жизнь превратить в такой вот неправильный бой: ради чего?! Из-за кого?! Как унижительно, какой-то там Кукушка будет ему указывать, о чем мечтать и чем заниматься...

Влад поднял с земли грязный портфель. Половина тетрадок потерялась, еще придется оправдываться перед учителями... Может быть, выбрать кухонный нож, у которого сталь

получше, и наточить на Кукушку? Но тогда в исправительную колонию загремит он, Влад, а Кукушка, наоборот...

Не додумав, он закинул портфель на плечо – поморщился от боли – и побрел, не разбирая дороги, мимо беззубого башмака, мимо кур, мимо горки, мимо кем-то выброшенного плюшевого зверя, неприятно похожего на настоящую падаль, побрел, хромая, шмыгая носом, сам не зная, зачем и куда.

Ноги привели не домой, а к Димке. Влад позвонил. Долгих две минуты ждал: если «Кто там?» спросит Димкина мама – будет еще время потихоньку слинять...

– Кто там? – спросил мрачный Димкин голос.

– Я, – быстро сказал Влад.

Дверь открылась. Димка разинул рот, собираясь что-то сказать, – и так и замер, будто проглотив теннисный мяч.

– Мне помыться надо, – сказал Влад. – И... Дай какую-нибудь рубашку. А то мать перепугается до смерти.

Димка ни о чем не спросил.

Все и так было ясно.

* * *

– Разумеется, – сказал врач. – Совершенно все ясно, полное горло ангины, можете сами глянуть...

И снова посветил фонариком в несчастное Владово нутро.

Мама тяжело вздохнула. Врач сочувственно поцокал языком:

– Ничего страшного... Горло полоскать, нос заживет сам, синяки сойдут... Хотя на вашем месте я бы все-таки сходил в школу.

Мама кивнула. Влад ничего не сказал – говорить было, во-первых, больно, а во-вторых, бесполезно.

– Это в первый раз такое, – дрожащим голосом проговорила мама.

Врач понимающе покивал, выписывая рецепт. На кончике его ручки болталась шелковая кисточка – ручка была сувенирная, кем-то из родственников откуда-то привезенная и теперь хранимая в нагрудном кармане, оберегаемая, «говорящая»...

– Освобождение пока на неделю, – сказал врач, – а там посмотрим. Полоскание каждые два часа, витамины, теплый чай...

Влад откинулся на жесткую, стоймя поставленную подушку. На неделю он свободен от школы. Семь дней... И все сначала. Кукушка ничего не забывает, что ему какая-то неделя?!

Вернулась мама, проводившая врача. Остановилась посреди комнаты, хотела что-то сказать – но передумала. Снова вздохнула, удалилась на кухню, вскоре засвистел чайник...

Влад распластал подушку и лег, закрыв глаза. Надо собраться с доводами и объяснить маме, почему ходить в школу ей не следует...

Доводы не желали собираться. Беспорядочно расползались, будто сваленная в огромную кучу старая обувь.

* * *

Все мальчишки, которых воспитывают мамы, вырастают похожими на девочек. Эту глубокомысленную фразу Влад слышал тысячу раз – в детском саду, в школе, во дворе. У него даже было одно время взрослый знакомый, студент-технарь, который на полном серьезе утверждал, что для того, чтобы «вырваться из-под маминого подола», Влад должен ежедневно при-

лагать уйму специальных усилий: лазать по крышам, убегать с уроков, бить из рогатки фонари, короче, вести себя как «нормальный мальчик». Не как «маменькин сынок».

Студент был красноречив и даже в чем-то убедителен. Влад так и не понял, зачем ему понадобилась эта агитационная кампания против «сидения под юбкой»; вероятно, дело было в каких-то собственных студентских проблемах. У студента были голубые, выпуклые, очень выразительные глаза; глядя прямо в эти глаза, Влад сказал однажды, что ему не нравится лазать по чердакам. Что у него есть дела поважнее. И что, если придется выбирать, огорчить ли маму или презирать «мужчину» в себе, – он, Влад, с легкостью пожертвует «мужчиной». Потому что на кой черт такой «мужчина» нужен?!

Ему было одиннадцать лет.

Студент скривился, как от кислого, и навсегда раззнакомился с «сынком» и «любимчиком». И Влад не жалел о потерянном знакомстве. Просто у студента, наверное, не сложились отношения с собственными родителями...

Теперь, лежа в постели, Влад шкуркой ощущал, как мама растеряна и огорчена. И как ей хочется пойти в школу – не то затем, чтобы пожаловаться директору, не то затем, чтобы собственноручно кинуться в драку и приложить об стенку всех школьных «кукушек», не разбирая, кто прав, кто виноват.

И как ей хочется расспросить его, Влада, и как она сдерживается. Молчит.

– Мам, – позвал Влад.

Она подошла. Молча села на край кровати.

* * *

Прошло пять дней. На улице сделалось ощутимо теплее. Синяки в который раз поменяли оттенок, горло успокоилось и почти не болело, и, что самое неприятное, упала температура – ртутный столбик застрял на отметке тридцать шесть и пять, а колдовать над термометром, как это принято у ленивых школьников, Влад считал ниже своего достоинства.

Вставать не хотелось. Грустное словосочетание «постельный режим» обернулось на этот раз убежищем, хомячьей норкой под тоннами снега, и Влад лежал в ней, подтянув колени к животу и укрывшись чуть не с головой. При мысли о школе накатывала тоска, грязно-бурая, похожая на сухую засвеченную фотобумагу.

Мама по-прежнему ни о чем не спрашивала. Ждала, пока Влад расскажет сам; он колебался. Не хотелось перекладывать свои проблемы на мамины плечи. Не пойдет же она драться с Кукушкой, на самом деле...

Димка звонил каждый день, но Влад просил его пока не приходить. Димка был человеком тактичным и не настаивал.

Врач тоже был человеком тактичным, но от его посещения отвертеться не удалось.

– Как ты себя чувствуешь?

Влад пожал плечами.

– Ну еще дня на три я могу тебе дать освобождение, – сказал врач вполголоса, когда мама зачем-то вышла на кухню. – Но не больше... понимаешь? Проблемы все равно надо как-то решать...

Влад кивнул. Врач распрощался.

– Может, позвонишь кому-нибудь, узнаешь уроки? – спросила мама.

– Да, – сказал Влад.

В тот же момент задребезжал телефон.

– Тебя, – сказала мама.

– Димка?

– Нет. Какая-то девочка...

С неприятным предчувствием Влад взял из ее рук тяжелую, не успевшую нагреться трубку.

– Привет, – сказал знакомый напряженный голос, – это Марфа Чисторой... Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – сказал Влад. – У меня ангина.

– Да? – Голос почему-то погрузнел. – А когда ты придешь в школу?

– Еще не скоро, – соврал Влад.

– Да?! – Голос прямо-таки зазвенел от напряжения. Владу представилось, как чистенькая Марфа сидит привязанная к стулу и под дулом пистолета задает ему дурацкие вопросы. – Ты что, серьезно болен?

– Говорю – ангина...

– Может, тебе уроки занести?

Владу сделалось смешно. Влюбилась она, что ли? Чисторой?!

– Не надо, – сказал он жестко. – Извини, мне нельзя много разговаривать.

И положил трубку.

* * *

Марфин звонок волновал его часа полтора – до самой темноты. У него даже улучшилось настроение – он вообразил себе, что слава его все-таки существует, что она расплзлась по классу и по школе, что каждое утро девчонки дожидаются его у входа – а вдруг сегодня придет?! Что в глазах одноклассников он все-таки не побитый щенок, а человек, восставший против Кукушки, храбрец, не побоявшийся выйти в одиночку против всей этой стаи...

В восемь вечера вдруг позвонили еще. Другая одноклассница, Дана Стасов, интересовалась его здоровьем.

«Сговорились они, что ли?» – почти весело думал Влад, повторяя почти слово в слово все, что сказал Марфе Чисторой.

Мама покончила с делами и села играть с Владом в шахматы. Странно, но он, против обыкновения, не получал от игры почти никакого удовольствия – все думал, и мысли его незаметно соскальзывали к выяснению, кто красивее – Марфа или Дана, и у кого больше глаза, и вообще...

– Твой ход, – в который раз напомнила мама. – Ты играешь или что? Я так не стану...

В этот момент телефон зазвонил опять.

– Влад? Это ты? Как ты себя чувствуешь?

Он, кажется, почти не удивился.

Они звонили одна за другой – девчонки из его класса, и те, с которыми он водился, и те, с которыми он не водился, и те, кто тайно вздыхал по нему, и те, кто не упускал случая сказать о нем гадость. Они звонили, чтобы узнать о его самочувствии; почти у всех – Влад обратил внимание – были испуганные, иногда на грани слез голоса.

Он разозлился. Издеваются? Девчонки? По наущению Кукушки? Но ведь половина из них никогда Кукушке не прислуживала, да и вообще...

Потом позвонил Ждан. Долго извинялся за беспокойство; предлагал сбегать за лекарствами, или принести уроки, или еще что-нибудь, мед, например, есть хороший...

Значит, все-таки слава? Признание?!

Влад сдержанно поблагодарил Ждана за заботу и, пожаловавшись на боль в горле, поскорее оборвал разговор. Что-то в голосе Ждана... что-то покорное, приторное... мешало ему насладиться как следует своим триумфом.

Едва распрощавшись со Жданом, он перезвонил Димке:

– Привет... Слушай, что там такое? В школе?

– Ничего, – удивленно отозвался Димка. – Просто на удивление тихо, даже эти шакалы не ухмыляются...

Влад заколебался: рассказывать про девчоночьи звонки? Не рассказывать?

– Сколько можно занимать телефон? – спросила мама.

– Извини, – быстро сказал Влад. – Меня тут от телефона гонят... Ну, пока.

И положил трубку.

Мама тем временем ушла на кухню, и шахматы сами собой отменились; Влад улегся с книгой, но через минуту телефон заорал опять.

– Палий? Приветик. По тебе тут все так соску-учились...

Голос у Линки Рыболов был веселый-веселый, целлулоидно-радостный, как у говорящей куклы.

– Пошла вон, – устало сказал Влад и положил трубку.

– Ты что?! – возмутилась вернувшаяся в комнату мама. – Девочке? В таком тоне?!

– Это Линка Рыболов, – сказал сквозь зубы Влад.

И тут же снова затрезвонил телефон; Влада передернуло.

– Возьми! – попросил он маму и укрылся с головой.

– Да, – удивлялась мама за тонкими стенками его темной берлоги. – Нет... Еще несколько дней он пробудет дома... А кто его спрашивает? Лина? Ах, Лина...

Влад закрыл уши.

Все. Это розыгрыш. Это дурацкая Кукушкина инсценировка. Они его уже и дома достали, не могли три дня обождать... И Ждан с ними! Хотя чего тут удивляться... Но – Марфа?! С Кукушкой?! Бред. Может, в самом деле – бред?

И Димка-то! Димка не стал бы врать. И Димка не мог ничего не заметить, он же не слепой...

В половине десятого пришлось отключить телефон.

– А чему ты так удивляешься? – рассеянно спрашивала мама. – В мое время было нормой, чтобы одноклассники интересовались здоровьем... Звонили, бывало, и по многу раз на день...

– Все? – саркастически осведомился Влад.

– Не все, – спокойно отвечала мама. – Но ведь и тебе не все подряд звонили, правда?

Влад задумался. Ему перезвонили почти все девчонки класса... из ребят только Ждан, если не считать еще и Димку.

– Значит, ты пользуешься успехом у девочек, – невозмутимо продолжала мама. – По мне, это скорее хорошо, чем плохо, ведь обычно девочки предпочитают старших ребят...

– Они издеваются, – сказал Влад.

– Не думаю, – после паузы призналась мама. – Я все-таки... не совсем дуручка, правда? Так вот, эта девочка, которую ты так не любишь, Лина, кажется? Да... Так вот, она не издевалась. Она была... смущена... ей было неловко, она прикрывалась фальшивой веселостью... но она не паясничала... во всяком случае, мне так показалось.

Влад подумал, что нормальная девчонка, сколь угодно влюбленная, никогда бы не перезвонила после его «пошла вон». А зачем перезвонила Линка?!

«Дай ему! Дай ему еще!»

Ему не нравилось это внезапное всеобщее внимание. Он решил поскорее заснуть.

* * *

На другой день утром мама ушла на работу, и Влад остался один; в мамино отсутствие он не считал нужным лежать в постели, тем более что болезнь его, честно говоря, давно закончилась. Подсев к письменному столу, он вытащил из верхнего ящика толстую тетрадь в желтой клеенчатой обложке, пролистал первые несколько страниц, исписанные мелким неровным

почерком, перечитал последние строки «...и мальчики пошли домой, чтобы скорее успеть. Вдруг циферблат на руке Юрки вспыхнул красным светом, и знакомый голос сказал: «Мы потерпели аварию на крыше! Скорее бегите туда!» Конец третьей главы».

Влад улыбнулся, чувствуя, как поднимается внутри приятная игольчатая волна. С некоторых пор сочинение историй было ему не менее интересно, чем чтение. А порой даже интереснее...

Нервно потеряв ладони, покусав губу, он вывел посреди следующей строчки: «Глава четвертая».

«На верхней лестничной площадке, перед самым выходом на крышу, стоял человек в кожаном плаще. Мальчики отпрыгнули назад – но было поздно. Человек повернул голову – глаза у него светились красным...»

И, вообразив себе этот взгляд, Влад готов был затрепетать от сладкого ужаса – когда в передней грянул дверной звонок.

Влад вздрогнул. В присутствии мамы звонок звучал совсем по-другому, деликатно, как тихий стук в дверь, зато когда мамы не было – это был требовательный вопль, подобный грохоту кованых сапог и пудовых кулаков в кожаных перчатках.

«Человек повернул голову – глаза у него светились красным...»

Влад боком встал со стула. С беспокойным сердцем подошел к окну и, незаметно отодвинув занавеску, выглянул наружу.

Он ожидал увидеть кого угодно – не вовремя явившегося слесаря, почтальона с телеграммой, участкового полицейского, – но у двери стоял Димка Шило! А ведь уроки только что начались!

Беззвучно взвизгнув от восторга, Влад запрыгал вниз через две ступеньки. Отпер дверь: – Заходи! Да заходи же! Ты что, с уроков смылся?

Димка смущенно улыбнулся.

Влад не пытался даже скрыть, как он рад. А рад он был ужасно. Он здорово соскучился по Димке. И надо было столько всего рассказать...

Димка пожал протянутую Владову руку. Протянул кулек с двумя сморщенными яблоками. Отступил, качая головой:

– Не-е... Я с физики смылся. Мне надо обратно, чтобы на ботанику успеть. Я – так, на минутку... Яблоки принес. Жри, поправляйся.

– Да я и так уже, – Влад потрогал кончик носа и почему-то вдруг смутился.

– Уже можно к тебе приходить? – деловито осведомился Димка.

– Ага...

– Ну так жди!

И Димка сбежал, отказавшись от чая, а у Влада еще долгое время было приподнятое настроение: вот что люди делают ради дружбы! С физики сбегают!

Он вымыл яблоки и задумчиво съел одно за другим. Написал три странички в тетрадке – про то, как мальчики ни с того ни с сего стали пленниками человека (на самом деле робота!) в кожаном плаще и с красными глазами. Потом сочинительство застопорилось; чтобы собраться с мыслями, Влад взобрался на диван, уперся локтями в подоконник и стал смотреть на улицу. Торговала овощами небольшая лавка напротив, проехал наполовину пустой автобус, прокатил почтальон на мотороллере...

К лавке подошли, как бы между прочим, две девчонки из его класса. Эти-то были заядлыми прогульщицами; им ничего не стоило удрать с уроков, найти укромное местечко и покурить, например, или просто посплетничать...

Но почему это укромное место оказалось напротив окон их с мамой квартиры? Почему этой парочке среди бела дня вдруг потребовались лук и свекла, а не жвачка и мороженое, как обычно?

Девчонки вошли внутрь. Сквозь матовое стекло Влад видел, как они стоят у прилавка, как покупают что-то (морковку?), направляются к выходу...

Обе стояли у дверей овощной лавки и глазели прямо на Влада. Увидели его в окне, заулыбались, замахали руками. Проходивший мимо сосед недоуменно от них шархнулся.

Влад состроил гримасу и задернул занавеску.

Спустя несколько секунд зазвенел звонок. Влад выглянул – обе красотки стояли под его дверью; вспомнился рассказ кого-то из мальчишек о том, как непрошенных визитеров поливали водой из замочной скважины, используя для этого резиновую клизму...

Где хранится клизма, он не знал. Да и вообще, много чести, он же не детсадовец. Сами уйдут, надо только не обращать внимания.

Звонок резал уши. Вытерпев минуты три, Влад спустился; странно, что одноклассниц не отпугнуло выражение его лица. Наоборот, они почему-то развеселились:

– Морковки хочешь?

– Нет.

– А от ангины очень помогает морковка...

– А от наглости что помогает?

– А мы не к тебе вообще шли, – сказали обе в один голос. Переглянулись. И снова в один голос: – Мы просто в магазин...

– Ну так и привет. – Влад захлопнул дверь, постоял в прихожей в ожидании нового звонка, но девчонки смылись. Растаяли как дым.

* * *

В половине второго, когда уроки закончились, посетители повалили один за другим. Повторялась вчерашняя история со звонками – но если трубку можно положить в любой момент, то дверной звонок так просто не отключишь.

После пятого по счету визита (Игнат Синица, в классе сидевший у Влада за спиной и всегда передиравший контрольные) Влад вывернул пробку в электрическом счетчике. Перестал ворчать холодильник, погасла настольная лампа; Влад плотно задернул шторы, устроился на диване и взялся вести наблюдение через дыры в ткани (прежде их было три, но четвертую пришлось проделать ради полноты обзора).

В овощной лавке торговались сразу три его одноклассницы и один одноклассник. Еще две девчонки делали вид, что ждут автобуса на остановке; Влад видел, каким неприятным сюрпризом для каждого из «детективов» была встреча с конкурентами. Как они поначалу отворачивались, и прятались, и делали вид, что попали сюда случайно...

Вечерело. Под окном собралось человек пятнадцать; тут были и Супчик, и Клоун, и Глеб Погасий, и Кукушкины прихлебатели, и Линка Рыболов, и Ждан, и Марфа Чисторой, и Дана... Половина класса. И все стояли и глядели на окна, и в какой-то момент Влад с ужасом подумал: а как мама?! Вот она придет с работы и увидит темный дом, толпу внизу... Что она должна думать, скажите пожалуйста?!

Зажглись фонари. Влад не слышал, о чем переговариваются его одноклассники, – но видел, что они угрюмы и злы. Случилась потасовка между Супчиком и Клоуном; Линка заехала по загривку Глебу, а тот побоялся давать сдачи. Что им надо от меня, думал Влад, чуть не плача. Чего они хотят, что я им сделал...

Он был близок к тому, чтобы открыть форточку и сбросить на визитеров вазон с алоэ, когда на сцене появилось новое действующее лицо. Учитель математики и физики, тот самый, чей урок прогулял сегодня Димка Шило.

Математик шел по улице и смотрел на номера домов, сверяясь с записной книжкой. Влад навсегда запомнил, какое у него было при этом лицо – очень сосредоточенное, как у хирурга

перед операцией; это выражение очень не шло ему. (Математик похож был на плюшевого гнома – такой же мягкий с виду, круглоносый и круглощекий. Тем из учеников, кто позволял этой карамельной внешности ввести себя в заблуждение, нелегко было потом выкарабкаться хотя бы на четверки, потому что математик был придирчив и злопамятен и учеников своих любил, как огонь любит щепки.)

Когда математик увидел толпу своих воспитанников перед дверью нужного ему дома – лицо его утратило озабоченность и на секунду поглупело. К его чести, он очень быстро овладел собой; Влад, наблюдавший за ним сквозь два стекла и дырку в занавеске, предположил, что учитель хвалит Кукушкину шайку за проявленное к товарищу внимание. Очень хорошо, что так много ребят явились навестить больного. И очень странно, что больной не открывает, вообще не подает признаков жизни...

Математик твердым шагом направился к порогу и решительно нажал мертвую кнопку звонка.

Никакого звука, конечно же, не последовало. Наоборот – тишина в темном доме сгустилась сильнее будто бы нарочно.

Влад спустил ноги с дивана.

Математика не была его сильным местом. До сих пор только их с учителем взаимное уважение помогало ему не скатываться до позорной тройки.

...Когда дверь наконец-то открылась, учитель даже отпрянул. Маленькие глаза его широко раскрылись; в следующую секунду он шагнул вперед, поспешно – будто опасаясь, что Влад возьмет да и захлопнет дверь прямо перед его носом.

А за круглой спиной учителя толпились одноклассники. Именно толпились, как в автобусе, хотя улицы на всех хватало. Несколько раз математика ощутимо толкнули в спину – но он будто не заметил.

– А у нас света нет, – сказал Влад в ответ на все эти жадные, вопросительные, странно-ватые взгляды. – Света. Нет.

Математик рассмеялся с явным облегчением. Как будто у него гора с плеч свалилась:

– А... Одноклассники пришли проведать... А у вас, оказывается, света нет!

– Мама на работе, – сказал Влад.

Математик смутился.

Наверное, только теперь он увидел ситуацию со стороны: вечер, больной ребенок один в доме, света нет, и толпа однокашников во главе с учителем прямо-таки ломится в дверь...

– Мы, вероятно, не вовремя, – сказал математик. Облегчение на его лице сменилось напускной обеспокоенностью. – Но по телефону все время занято... Как ты себя чувствуешь?

Влад стоял в дверях в трикотажном спортивном костюме. Весенний ветер вовсе не был теплым.

– Еще плохо, – сказал Влад.

Он видел, как наиболее наглые его одноклассники, те самые, что оказались в первых рядах и едва не сбили учителя с ног, теперь понемногу убираются в стороны, а их место занимают новые. Он видел, как недоверчиво всматривается Линка Рыболов – будто определяя, настоящие ли веснушки у него на носу и не подрисованы ли брови. Он видел, как часто хлопает ресницами Марфа Чисторой – будто от сильного ветра.

– Ну, иди отдыхай, – сказал математик. – Так бы, конечно... но если нет света... а мама на работе... может быть, помочь тебе починить свет?

– Перегорела пробка, – сказал Влад.

– Это просто, – учитель оживился. – Ребята, где здесь поблизости магазин? Еще не закрыто – надо купить электрическую пробку!

– Спасибо, мама принесет, – быстро сказал Влад.

Вокруг учителя стояли теперь только Ждан, Глеб да пара девчонок. Основная масса посетителей переместилась к автобусной остановке, Супчик и Клоун, не скрываясь, закурили...

– Ну, выздоравливай, – сказал математик.

А Ждан неожиданно протянул руку – и коснулся линиялого Влодова рукава.

* * *

– Да, странновато-чудесато, – сказал Димка. – Знаешь, я думаю, это из-за Кукушки. Они тебя зауважали. Говорят, ты его прямо-таки по стенке размазал. Я сам видел, какой у него фингал на роже...

– Ничего я его не размазал, – с сожалением признался Влад. – Я до него один только раз дотянулся... Или два. И вмазал. А так... Их же там двое или трое дрались, и еще человек десять подгавкивали. Линка Рыболов...

– Кстати, Линка в другую школу перешла, – сказал Димка. – Перевели родители.

– Да? – обрадовался Влад.

И устыдился своей радости.

Подумаешь...

* * *

Учителя, даже те, кто прежде был к Владу совершенно равнодушен, почему-то очень радовались его появлению. Едва переступив порог, оглядев класс и увидев Влада на обычном месте, не могли сдержать улыбки:

– Палий! Ну наконец-то! Как здоровье?

Влад заранее рассудил, что благосклонностью учителей лучше не пренебрегать, и всякий раз отвечал смиренно:

– Спасибо, гораздо лучше... Температуры уже нет...

Он ничему не удивлялся – после того, что случилось с Кукушкой.

Влад ждал этой встречи. Влад готов был к ней – и не был готов. Отчаянно трусил. Дрожал, как заяц; ждал первого мутного взгляда, первого шарика жвачки на своем портфеле, первой ухмылки, первого пинка...

Он вошел в класс – и сразу же наткнулся на Кукушку. Тот рылся в своей сумке... Услышав шаги Влада, выпрямился, обернулся...

И обрадовался.

Никто не видел прежде, как радуется Кукушка. То есть радость от очередной подножки случалась, конечно, – но то была другая радость; теперь Кукушка улыбнулся, сразу став будто на три года младше, лицо его на мгновение сделалось даже симпатичным, человеческим...

И, будто испугавшись, Кукушка снова скрючился, снова полез в сумку, хотя искать там, как понимали и Влад и Кукушка, было уже нечего.

Влад тихо прошел к своему месту. Сел...

Ему было двенадцать лет. Конечно, он не понял тогда, что произошло.

Более того – он, дурачок, даже доволен был таким поворотом дел.

Глава 2

Девочка

– Если он тебя не пригласил, может быть, со мной потанцуешь?

Девчонка вздрогнула и оглянулась.

Она была на полголовы выше Влада. Но это из-за босоножек; убрав у нее из-под пяток немислимых размеров шипы, вполне можно было бы сравнить позиции.

– Я говорю, может, со мной потанцуешь? Раз уж он другую пригласил?

Девчонка покраснела. Ход ее мыслей отражался на лице: девчонка раздумывала, отвесить ли Владу пощечину.

Завидный Кавалер, парень лет семнадцати, минуту назад пригласил попрыгать под музыку ее товарку, куда менее симпатичную, зато ярче накрашенную. Влад наблюдал процесс разочарования от начала и до конца; собственно, Влад и ходил на танцы ради такого вот «кино», жанровых сценок, которые здесь чередовались не переставая.

– Ты малявка, – разочарованно признала девчонка.

– Мне четырнадцать, – возмутился Влад. – Сними каблуки – увидим, кто малявка...

Девчонка проводила взглядом Завидного Кавалера.

– Ну, пошли, – согласилась с неохотой.

Лучше, вероятно, танцевать с малявкой, чем весь вечер подпира́ть стену.

Собственно, танцплощадка напоминала собой темный дремучий лес, где все деревья сошли с ума и, повыдергав из земли корни, принялись прыгать и вихляться. Сквозь танцующие «стволы» с трудом продирались цветные лучи вертящихся прожекторов; музыка гремела – затыкай уши. Владу только и оставалось, что уворачиваться из-под каблуков партнерши: он прекрасно понимал, что ей достаточно наступить на ногу всего лишь раз, чтобы человек надолго потерял способность к прямохождению.

Она была симпатичная. Даже хорошенькая. И она была совершенно незнакомая – Влад не видел ее никогда в жизни. Ни в школе, ни в парке, ни на танцплощадке, ни в магазине – нигде...

Агрессивная музыка сменилась лирической. Танцоры вокруг перестали прыгать, переобнялись попарно и безвольно повисли друг на друге, плавно покачиваясь, будто медузы в глубине моря.

Девчонка помедлила – и положила руки Владу на плечи.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Иза.

– Какое кра...

Он запнулся, понимая, что говорит банальность. Что всякий, желающий с ней познакомиться, начинает именно с этого.

Она смотрела насмешливо. Ждала продолжения.

– А меня Влад, – сказал он. – Между прочим, чемпион района по шахматам.

– Да? – она удивилась. – А ты из какой школы?

– Из сто тридцать третьей.

– А я из шестьдесят пятой...

Ее каблуки опасно вонзались в пол рядом с ботинками Влада.

– Ты часто на танцы ходишь? – спросил он, стараясь держаться подальше.

– В первый раз пришла, – призналась она почему-то с обидой. – Ну и не нравится мне тут, все дураки... Мозгов нет, так ногами дрыгать...

– Ну почему же сразу нет, – примирительно сказал Влад. – Мозгов, в смысле.

– Я домой пойду, – сказала Иза, и, будто услышав ее, медленный танец закончился.

– Я провожу тебя? – предложил Влад.
– Зачем?
– А если нападет кто-то?
– А ты защитишь? – она фыркнула.
– Я же чемпион по шахматам, – сказал он укоризненно.
– Что, доской по башке?
– Мозгами, – он постучал пальцем по лбу. – Впрочем, если не хочешь, могу не прово-
жать...

* * *

Ей было пятнадцать лет, она была круглая отличница, ее репортажи очень ценились (по ее словам) на конкурсах юных журналистов. Желая острых ощущений, она оторвалась от книг и заявила на танцплощадку (мне там ничего не интересно, но журналист, он же всюду должен побывать?), в результате возвращалась домой в полнейшем разочаровании, а тут еще путается под ногами этот малолетний ухажер...

Последнюю фразу она не произносила вслух – но иногда бросала на Влада взгляды, исполненные царственного недоумения. Почему рядом с ней оказался этот мальчишка, а не Завидный Ухажер в кожаной куртке?

Она жила в двух автобусных остановках от парка. Влад проводил ее до железной калитки, на которой черный кованый дракон держал в зубах табличку с номером «восемнадцать».

– Жаль, – сказал Влад, прощаясь.

Она поколебалась – и снизошла все-таки до вопроса:

– Чего жаль?

– Жаль, что на нас не напали, уж я бы надавал им по зубам...

Она не выдержала – и улыбнулась. В глазах ее чуть ли не впервые промелькнуло подобие интереса:

– А ты занятный парень... Хвастун.

* * *

Они стали встречаться. Чинно-благородно, за шахматной доской, как примерные воспитанные детки.

Влад приходил к Изе с шахматами под мышкой – а родителей ее обычно не бывало дома – и терпеливо ждал, пока она покончит с уроками (Иза щеголяла перед ним новыми темами – «это вы еще не проходили» и задачами – «а это тебе никогда не решить»). Потом они пили чай с неизменными бубликами и садились играть.

Иза была далеко не дура, и кое-чему Влад успел ее научить; Впрочем, шахматы скоро надоедали ей, и на смену приходила колода карт, такая старая, что казалось, ее долго хранили в рыбьем жире. В картах Иза не знала себе равных; обыграв Влада несколько раз подряд и подкормив тем самым свое вечно голодное самолюбие, она либо выставляла его за дверь («ну уходи, скоро родители вернутся»), либо, в порядке большой милости, соглашалась пройтись по скверу.

В этот час в скверике было темно. Влад прекрасно понимал, что в светлое время суток Иза никуда с ним не пойдет – а вдруг девчонки увидят?!

Иза была все-таки очень неопытна, несмотря на апломб, и недооценивала зоркость девчонок. Однажды вечером так и случилось – под одиноким фонарем, бодро желтевшим на краю скверика, сошлись Иза, шагающая бок о бок с Владом, и три девицы «в поисках приключений».

Девыцы ничего не сказали. Девыцы принялись перемигиваться, надувать щеки, хихикать и шептать друг другу на ухо; даже Влада проняло в какое-то мгновение: ну что он, карлик? Калека? Оборванец? Что странного в том, что Иза гуляет по скверу с парнем, который на год ее младше? Даже если он невысок ростом? Даже если на нем не кожаная куртка, а обыкновенный школьный костюм?

Девыцы продолжали шептать и хихикать, подобно маленькому шумовому оркестру; они не умели иначе. Да будь Влад хоть великаном в мотоциклетном шлеме, они все равно нашли бы, к чему придраться, и фыркали бы, и перемигивались с особым остервенением; возможно, они просто завидовали.

Когда девчонки остались далеко за поворотом дорожки, Влад открыл рот, чтобы сообщить об этом Изе. Не дожидаясь его комментариев, Иза молча развернулась и ушла в темноту.

– Эй, ты чего?!

Нет ответа.

В тот же вечер он позвонил ей. Он хотел объяснить взрослой, но глупой девочке, как неразумно мучить себя, обращая внимание на выходки малолетних стерв.

– Сиди дома, сопляк, – сказала Иза дрожащим от злости голосом, – оставь меня в покое... и навсегда забудь этот телефон, понял?!

* * *

Была весна.

С того самого дня, как начал таять снег, Влада не покидали не мысли даже – ощущения о будущем. Теперь снег сошел весь, почки напряглись, из-под хлама и мусора повсюду лезла неукротимая зелень, и Влад пошире раскрывал форточку, чтобы впустить в квартиру как можно больше весеннего запаха.

Он знал, что не останется в городке навечно. Что, едва закончив школу, уедет – возможно, далеко, а возможно, и не очень. Дело не в расстоянии, вернее, не в том расстоянии, которое можно отмахать по железной дороге; дело во внутренней дистанции, которую предстоит еще одолеть. Когда он вернется – а он вернется! – у его бывших одноклассников будет повод для суеты...

А Иза – та вообще будет горько-горько плакать. Тайком ото всех. Потому что Завидный Ухажер в кожаной куртке к тому времени сопьется, и... Почему девчонки такие дуры? Даже те, кто учится на «отлично»? А может быть, отличницы – дуры в особенности?

Он не выдержал и поделился обидой с Димкой. Тот долго молчал, потирая кончик носа, а потом рассказал в ответ свою собственную историю, приключившуюся этим летом в лагере; Влад испытал молчаливый приступ благодарности к другу, ответившему откровенностью на откровенность. То, что Димка выдумал добрую половину душещипательных подробностей, значения не имело.

Может быть, устроить клуб ненавистников девчонок, предложил Димка, и Влад задумался. Ты знаешь, сказал он наконец, это как-то несолидно. Когда мне было лет одиннадцать, я действительно терпеть их не мог... А теперь я их жалею. Это же надо – так переживать из-за каких-то трех хихикающих дур!

А ты вообрази, сказал Димка, что ты идешь со своей Изой, а у нее, к примеру, одна нога короче другой... Идешь, а тут стоят Кукушка с Клоуном и хихикают... Что бы ты подумал?

У меня, по-твоему, одна нога короче другой, возмутился Влад. Нет, сказал Димка, это я так, для примера...

Ночью Владу приснилась Иза – во сне он все порывался измерить, одинаковой ли длины ее ноги. Ноги были очень длинные, портновской ленты-сантиметра не хватало, Влад начинал с

пятки и мерил, поднимаясь все выше и выше, но Иза выскальзывала, будто намазанная мылом, и кричала, чтобы он забыл номер телефона...

Спустя три дня после инцидента в скверике мама сказала:

– Кто-то звонил и молчал в трубку. Может быть, это тебе?

Влад пожал плечами. Была вялая мысль, что, может быть, это Марфа Чистой решила таким образом напомнить о своем существовании...

Спустя еще два дня, вечером, когда Влад совсем уж собирался в постель и дочитывал последнюю страничку на сон грядущий, телефон зазвонил снова.

Влад не любил поздних звонков.

– Привет, – тихо сказала Иза.

Влад не поверил своему уху, левому, к которому была прижата трубка.

– Ты у меня свои шахматы забыл, – сказала Иза еще тише.

– Я их тебе дарю, – сообщил Влад и собрался было положить трубку, но почему-то этого не сделал.

– Я заболела вообще-то, – сказала Иза так тихо, что обычные телефонные шорохи почти заглушили ее голос. – У меня это... с давлением... Может, меня послезавтра в больницу заберут...

– С каким давлением? – спросил Влад раздраженно. – Какое давление, тебе что, сто лет?

Иза ничего не ответила, только вздохнула.

– Ну, спокойной ночи, – сказал Влад.

– Спокойной ночи, – еле слышно отозвалась Иза.

* * *

На следующий день было воскресенье. Все утро Влад валялся в постели и размышлял.

Что он, в сущности, знает о девчонках? Кроме того, что они носят платья, красят ресницы и в среднем выше пацанов на полголовы?

Какое такое знание говорит ему, что звонок от Изы – нонсенс? Что это неправильно? Что она не должна бы звонить?

А может быть, он мало знает о себе? В мировой истории полно ловеласов, которые, будучи ничем внешне не привлекательны, покоряли сердца наигордейших дам – просто так, ради спортивного интереса...

Влад не выдержал и расхохотался.

– Ты чего? – спросила мама.

– Вообрази – девчонки житья не дают!

Мама сдержанно улыбнулась:

– Смотри у меня...

Он стал смотреть.

Его, Влада, все любят. Девчонки тоже. Что в этом удивительного? Вот если бы не любили – было бы странно. А так...

Он вспомнил жалкое Изино: «Я заболела вообще-то...»

Хотела, чтобы Влад ее пожалел? Или в самом деле?..

«Может, меня послезавтра в больницу заберут...»

Влад поморщился. Ему совсем не было жалко Изу; ну, почти совсем. Зато он знал, что совесть надо успокоить. Принести ей маленькую жертву, тогда она не будет возмущаться, если Изу действительно куда-то там заберут.

– Как насчет позавтракать? – спросила мама.

– Я не хочу есть, – сказал Влад. – Вернусь через час.

– Опять девочки? – удивилась мама. – Ну-ну...

(Мама всерьез была уверена, что Влад пользуется у девочек колоссальным успехом. Этому заблуждению способствовали и звонки приболевших Владовых одноклассниц, которые, провалявшись пару дней дома с простудой или гриппом, обязательно звонили Владу и требовали – буквально требовали! – чтобы им принесли домашнее задание и помогли сделать уроки. Правда, пацаны в таких случаях тоже звонили...)

Хорошо, что по весне болезней в классе стало меньше.)

* * *

Родители Изы были дома. Влад видел ее отца впервые, а мать второй или третий раз.

Они долго держали Влада на пороге. Оба неважно выглядели; у матери были воспаленные блестящие глаза, Владу сразу же стало жаль ее – куда жалче, чем Изу.

Сперва Владу сказали, что девочка тяжело больна и никакого свидания не будет. Но потом в глубине квартиры послышался Изин голос – громкий, взвинченный; через минуту мать выдала Владу растоптанные домашние тапки и велела следовать за собой.

В Изиной спальне Влад никогда прежде не бывал. Стены были оклеены афишами каких-то концертов; сама Иза, очень бледная и как будто помельчавшая, сидела в подушках на широкой постели.

– Влад!

Ее губы сами собой разъехались, улыбка получилась радостная и одновременно жалкая.

– Ты... привет! Заходи!

Он стоял столбом, не зная, куда девать руки, ноги, куда девать растоптанные тапочки, на его небольших ногах подобные лыжам, пытаясь сообразить, какие же обстоятельства загнали его внутрь этой донельзя фальшивой сцены: чьи-то папа, мама, больная девочка в постели, почему-то счастливая девочка...

На бледном Изином лице волной, взрывом проступал румянец.

* * *

На другой день она выздоровела. Врачи списали странную хворь на прихоти растущего организма.

Влад нашел в себе великодушие не попрекать Изу тем случаем в сквере; их встречи возобновились, но это были уже *другие* встречи. Они больше не играли ни в шахматы, ни в карты. Зато они целовались.

Иза не сразу поняла прелесть этого занятия. Она была домашняя девочка, отличница, и ее познания в искусстве поцелуев были в основном теоретические; впрочем, она была человек настойчивый, привыкший добиваться результата через «не хочу», она орудовала губами и языком, как дорожный рабочий орудует молотком и лопатой, и в конце концов научилась-таки находить в поцелуях некоторую приятность...

Что до Влада, то он просто сходил с ума. Эти поцелуи снились ему по ночам, и он ворочался, сбивая простыни в узенький жгут; перед глазами его сплошной кинолентой вертелись цветные сны. Он был, наверное, счастлив – неделю, может быть, две...

Он даже хотел показать ей свою тетрадку в желтой обложке. Не ту, где было про «пришельцев и роботов», – детские штучки он давно забросил... Нет, другую, там было про парня, у которого было одиннадцать пальцев на руках, и так получалось, что у него постоянно что-то в жизни было лишнее. И время от времени к нему приходил человек в черных очках и предлагал выбирать: что лишнее? Какая вещь? Какой друг?

Владу самому было страшно писать про *такое*. Маме он не решался показывать – стеснялся; а вот Изе едва не показал. Даже принес однажды желтую тетрадку к Изе домой – но в последний момент дрогнул, испугался...

И слава богу, что удержался. Не миновать бы насмешек, потому что Изина любовь понемногу стала прорастать прежним раздражением.

Она по-прежнему стеснялась Влада. Она никогда не приходила к нему сама, первая. Время от времени Влад ловил на себе вопросительный взгляд: ну что я в нем нашла? Ну что я, умная, красивая, взрослая, нашла в этом карапузе, бесцветном, никаком?! Подумаешь – умеет целоваться...

В такие минуты Влад спешил щегольнуть остроумием; к сожалению, Иза вскоре перестала смеяться его шуткам. Наоборот – они все больше злили ее.

– Пойдем на танцы, – предложил однажды Влад.

Иза надула губы:

– Мне там неинтересно.

– Тогда пойдем на улицу.

Иза с тоской глянула в окно; день прибывал, темнота теперь наступала поздно, и на каждой скамейке имелось по две-три гуляющих сплетницы.

– Знаешь что, – сказал Влад проникновенно, – если ты меня стесняешься – найди себе кого-нибудь другого. Постарше и поразвесистей.

С этими словами он ушел; Иза не стала его задерживать. В эту минуту Иза и сама была уверена, что между ней и Владом все кончено, он ей надоел, она выросла из него, как вырастают из детских сандаликов...

Спустя два дня она позвонила ему, а потом и пришла – покорно, как собачка.

...Все переменилось.

Теперь Иза ходила к нему. Теперь он решал, где и когда гулять; он выбирал самые людные места, демонстративно брал Изу за руку (в этом прикосновении уже не было ничего волнующего) и шествовал, как маршал по плацу. Он целовал ее чуть ли не на глазах всего народа; насмешки скоро прекратились, тем более что Иза перестала носить каблуки, а Влад упросил знакомого сапожника нарастить подошву на туфлях. Таким образом, в росте они почти сравнялись – однако главенство (или даже равенство) Влада оставалось для Изы унижением. Они встречались два-три дня, потом Иза, разругавшись, уходила, но оба прекрасно знали, что очень скоро она окажется снова под Владовыми окнами.

«Неужели у тебя нет силы воли?» – возмущались подружки.

Изины одноклассники не раз и не два пытались устроить «разбиралово», однако Владу всякий раз удавалось доказать, что «их девочка» действует исключительно по собственной инициативе. «Да заберите вы ее, – предлагал Влад, вздыхая. – Я не держу... сама ведь не знает, чего хочет!»

За Изой, прежде слившей «зубрилкой» и «синим чулком», закрепилась слава безумно влюбленной. «Роковая страсть» не замедлила сказаться на оценках; к Владу приходила Изина мать с серьезным разговором, однако получила в ответ все то же равнодушие: «Я ее не держу».

Тем временем Иза вжилась в новую роль и даже, кажется, находила утешение во всеобщем участливом внимании; в один прекрасный день Владу все это надоело. Надоела прилипчивая Иза, круги под ее глазами, не влюбленными, а скорее угрюмыми. Надоели ее болельщицы-подруги, надоели ревнивые одноклассники, надоела суeta вокруг – и он перестал отвечать на ее звонки.

На третий день его молчания Иза явилась под окна.

– Она сумасшедшая, – с тревогой сказала мама. – У современных девочек нет не то что гордости...

Влад промолчал.

Мама спустилась под окна и долго разговаривала с Изой.

– Послушай, – сказала она, вернувшись, – ты будь человеком все-таки... Не думала, что ты такой жестокий... Спустись ты к ней, хоть на минутку!

Влад сделал вид, что не слышит.

Иза простояла под окнами дотемна – поздно вечером явился ее отец и утащил влюбленную насильно.

На другой день Иза сбежала с шестого урока и явилась встречать Влада после школы; Влад, вовремя узнав об этом от верного Димки, выбрался через окно в спортзале и вернулся домой другой дорогой.

Иза перехватила его у самой двери дома, схватила за рукав... Влад молча оттолкнул ее руку:

– Знаешь что, соплячка... Оставила бы ты меня в покое. И навсегда забудь этот адрес, слышишь?

Наверное, следовало бы оскорбить ее посильнее. Обозвать как-нибудь пообидней. Может быть, ударить. Чтобы она отлипла наконец, чтобы она протрезвела...

Она убежала, рыдая, и продержалась вдали от Влада целых четыре дня. А на пятый встретила его перед началом первого урока – на глазах у всей сто тридцать третьей школы! И на глазах у всей школы он снова оттолкнул ее руку, все порывающуюся лечь ему на плечо:

– Дура! Уйди! Видеть тебя не желаю!

Бесполезно.

...Почти неделю он счастливо избегал ее. Все пацаны класса помогали ему в этом, а девчонки шпионили в пользу противника; наконец Иза снова оказалась у него под окнами, но на этот раз она не стояла молча. Она плакала и звала Влада; в голосе ее было такое отчаяние, что у него мороз по коже продирает.

Мамы не было дома. Влад в кресле, боясь пошевелиться, твердил про себя: «Меня нет дома!»

– Влад, – плакала Иза, – я знаю, что ты здесь... Открой! Ну открой! Пожа-алуйста! А-а-а!

Останавливались прохожие. Приходили соседи, уговаривали Изу идти домой; вышел даже хозяин овощной лавочки, вынес кружку с водой и бутылочку валерьянки. Влад сидел, закусив зубами рукав школьной курточки, и молча вспоминал все стихи, какие знал.

Ему было так страшно, будто в дверь его дома ломилась не заплаканная девчонка, а вооруженный вертелом людоед.

Когда Иза на минуту прервала свой хриплый зов, Влад на карачках добрался до телефона и позвонил Изиным родителям. И, сам чуть не плача, сказал, что ни в чем не виноват. Что Иза здесь и пусть они ее заберут...

Изин отец приехал на машине.

Владу так и запомнилась эта девчонка – растрепанная, с красным от слез лицом, с его именем на раскисших губах. Больше он никогда ее не видел.

Родители нашли возможность увезти Изу в другой город – подальше от столь разрушительной «первой любви».

...История имела неожиданное продолжение. В городке, и без того бурно переживавшем весну, случился взрыв романтических переживаний: вдохновленные примером несчастной Изы, девчонки писали письма и дневники, вырезали сердца из золотой бумаги, и на розовом фоне всеобщего психоза случилось несколько настоящих скандалов – с истериками и абортарием. Из других школ в сто тридцать третью являлись массовые делегации девчонок – поглазеть на сердцееда Влада; часть из них тут же разочаровывалась, увидев, какой он небольшой и неказистый, но кое-кто влюблялся, писал Владу письма, и он вслух зачитывал их в раздевалке перед физкультурой, и дружное ржание пацанов помогало ему справиться со страхом.

Потому что во сне ему иногда являлась Иза, растрепанная, ревушая, с бесформенным ртом: «Открой! Ну открой! Пожа-алуйста! А-а-а!»

Глава 3

Димка

Близилося лето; Влад надеялся, что перед лицом экзаменов история с Изой потускнеет. А там подойдет время летнего лагеря, время новых романтических драм, и пусть эти сумасшедшие девчонки ищут первую любовь где угодно, только не рядом с Владом, с него хватит...

Однажды, оформляя после уроков кабинет математики, он разоткровенничался с учителем:

– Ну дуры! Дуры же! До сих пор табунами за мной таскаются... Что я им сделал?! Из-за одной полоумной...

– Дуры, – печально подтвердил математик, думая о чем-то своем.

– Почему именно я?! Вон Глеб красивее... Казалось бы, идите, жрите Глеба! Так нет...

– Есть в тебе что-то, – задумчиво сказал математик. – Харизма какая-то. Знаешь, что такое харизма?

Влад кивнул.

– Вот, например, если кто-то заболит надолго... Кому он первому из ребят звонит?

– Мне, – с неохотой признался Влад. – Знаем мы эти штучки. Принеси аспиринок, да помоги с уроками, да всякое такое...

– Ты что будешь делать после школы? – после паузы спросил математик. – В смысле кем быть?

– Да вот, выбираю, – пробормотал Влад, глядя в окно. – Мама хочет, чтобы врачом...

– А ты?

Влад пожал плечами:

– Ну и я, наверное, врачом хочу...

– Может, тебе психологом надо быть? Или политиком?

Влад скорчил рожу. Математик принужденно рассмеялся.

* * *

После последнего экзамена они в складчину купили пять бутылок сухого вина и отыскиали беседку в самой заброшенной части парка.

– Выпьем за девчонок из нашего класса – самых нормальных девчонок в мире! – провозгласил Влад, поднимая бумажный стаканчик.

И все одобрительно загалдели. Милостиво улыбнулась Марфа Чисторой – у нее уже полгода был роман с десятиклассником.

Димка Шилов сидел рядом. Потягивал вино из бумажного стаканчика. Молчал.

– Они самые нормальные, потому что ни одна не влюбилась во Влада, – сказал Ждан. Он уже два года пользовался хорошим дезодорантом, сам стирал себе рубашки и занимался боксом, а потому и жвачку ему на портфель никто не пытался лепить.

– Говорят, Клоуна посадят, – сказал после паузы Глеб Погасий.

Клоун побил по наущению Кукушки какого-то парня из другой школы, а родители того парня оказались людьми упрямыми. Теперь все шло к отправке Клоуна в колонию, хотя по справедливости сажать следовало Кукушку...

– А кто в лагерь поедет? – спросил Антон, раньше прозывавшийся Супчиком. Теперь бывший Кукушкин прихвостень остепенился – может быть, потому, что прочие одноклассники быстро подросли и сравнялись с ним в габаритах?

– Я поеду, – первым сказал Димка Шилов.

Ребята запереглядывались:

– И я...

– Я...

– И я...

– А ты же на море собирался? – спросил Влад у Глеба. Тот уже месяц хвастался какой-то экзотической путевкой, которую добыл ему отец.

Глеб махнул рукой:

– А-а-а... Я подумал, что если все едут... В лагере же веселей...

Влад промолчал. В лагере, конечно, нескучно, но если бы выпало выбирать между лагерьем и морем...

Впрочем, Влад не выбирал никогда. Лагерь, и никакой альтернативы. А что они с мамой опять никуда не поедут, было ясно давно, еще зимой...

– А кто не едет в лагерь? – спросил Влад.

Тишина.

– Марфа, ты вроде к бабушке собиралась?

Марфа Чисторой сморщила нос:

– Да ну... Опять к бабушке, скуотища...

Они сидели под сырым сводом заброшенной беседки и, кажется, были немного удивлены. Все едут в лагерь, все как один – ну не дружный ли класс?!

Влад улыбался.

Может быть, запах травы, сырости и парковой гнили был причиной того, что ему вспомнился недавний сон. Будто он – старое, кряжистое дерево, сплошь облепленное белесыми грибами.

* * *

В автобусе Влад сидел рядом с Димкой, и оба веселились и орали песни громче всех. Из-за высоких спинок помещавшихся впереди кресел время от времени выглядывали девчонки, ругались и требовали порядка.

Автобус трясло на выбоинах плохого шоссе; Влад пребывал в эйфории. Казалось, покончено с дурными снами, компания подобралась как нельзя удачно – его собственный класс... А в классе, как Влад давно заметил, ему уютнее и проще всего. Даже когда-то всесильный Кукушка не может испортить ему настроения, тем более что после истории с Клоуном Кукушка сидит тише воды ниже травы. Никто не глазеет на Влада, как на чудище, и никто не рискнет с ним поссориться – всем он нужен, все его любят... Воистину удачно, что в этом году они вот так дружно, всем классом, рванули в лагерь...

Песня следовала за песней, и опять все сначала; Влад стал подпевать через слово, а потом и вовсе замолчал. Уставился в окно, то и дело ударяясь лбом о синеватое мутное стекло.

Никто не заметил дыры в хоре, дыры на месте его голоса. Даже Димка, оравший рядом, ничего не заметил. А была ли вообще дыра? Такая ли большая потеря для класса – голос Влада Паляя?

Они видят его каждый день... Они не морочат себе голову его достоинствами. Есть он или нет его... Как там говорила Иза? Бесцветные глаза, бесцветное лицо, ты ничем не примечателен, кроме своих шахмат...

Мысль об Изе была как прикосновение утопленника. Влада передернуло.

...кроме своих шахмат. «Я умен, – говорил Влад в ответ. – Ты не заметила? Я остроумен...»

«Меня все любят, – хотел он добавить. – Все во мне нуждаются».

«Никому ты не нужен, – жестоко говорила Иза. – Да кто ты такой? Таких, как ты, в каждом классе два десятка...»

«Открой! Ну открой! Пожар-алуйста! А-а-а!»

Приходило страшное воспоминание – и мир терял реальность, оплывал волнами сизого оконного стекла. Возможно, Иза действительно была сумасшедшая? Но почему раньше, до встречи с Владом, это безумие никак себя не проявляло?

Автобус свернул на грунтовую дорогу. До лагеря оставалось минут пятнадцать тряски. Влад прикрыл глаза, купаясь, как в киселе, во внезапном одиночестве.

«А что бы вы делали без меня? – подумал он с внезапным ожесточением. – Что бы вы без меня делали?»

Автобус затормозил. И, глядя на веселенькие шеренги корпусов, Влад пообещал себе полтора месяца не думать об Изе, ни о сизом оконном стекле, ни о дереве с бледными грибами.

* * *

«Мама! Со мной все в порядке. Я уже самостоятельный. Не волнуйся. Влад».

Телеграфистка посмотрела одобрительно – решила, наверное, что видит перед собой самого заботливого сына на много километров вокруг. Тем временем Влад намеревался доставить маме кучу неприятных переживаний.

Влад тешил себя надеждой, что телеграмма немного поможет делу маминого спокойствия – хоть чуть-чуть. Вчера, когда они виделись, Влад уже совершенно утвердился в своих планах на сегодняшний побег и триста раз повторил, как заклинание, что у него все в порядке и, как бы там ни было, все будет хорошо...

Он расплатился с телеграфисткой, закинул рюкзак на плечо и вышел под утреннее солнце.

Его хватят часа через полтора – за обедом... Интересно, какие у них будут лица?

Владу представилась географичка, оказавшаяся в этом году еще и начальником лагеря. Красные пятна на дряблых щеках, буравящий взгляд: «Скажи, зачем ты это сделал?»

Подошла электричка – наполовину пустая. Влад забросил рюкзак на ячеистую, как волейбольная сетка, полку и сел у окна, спиной по ходу поезда.

«Зачем ты это сделал?!»

Он понятия не имел зачем. Ему было плохо в лагере? Ерунда, ему было куда лучше, чем в позапрошлом и даже в прошлом году. Соскучился по маме? Странно для четырнадцатилетнего подростка, которого к тому же проводят каждые три-четыре дня (уж он маму просил, просил: ну не мотайся ты так часто! Сколько времени и сил убивается на эти поездки, ну неужели я не проживу неделю без клубники?!).

Если бы он вернулся сейчас домой – мама просто дозвонилась бы в лагерь, ну, телеграмму дала... Все бы злились, конечно, но в конце концов любая злость проходит...

Но он не поедет домой. Он сам не знает толком, куда везет его электричка. И уж давно не знает зачем.

Ему снова снилось, что он дерево, поросшее грибами. Ему снилось еще что-то, непонятное и неприятное; на зарядке он взмахивал руками резче и энергичнее сонных товарищей – будто пытаясь разорвать полиэтиленовую пленку сна.

Вчера они с Димкой спели хулиганский дуэт со сцены летнего клуба – и имели оглушительный (в пределах лагеря) успех.

Сегодня после завтрака он по-быстрому собрал рюкзак и махнул через дырку в заборе, такую узкую, что, протискиваясь, пришлось ободрать локти. Теперь электричка покачивалась, локти саднили, за окном сменяли друг друга поля и лесополосы, а Влад мысленно отвечал – и не мог ответить на еще не заданный возмущенный вопрос: «Зачем ты это сделал?»

Ни за чем. Просто так.

* * *

Прежде он часто и охотно пользовался словом «одиночество», однако что это такое – узнал только сейчас.

Базы отдыха, старые и новые, палаточные лагеря, спортшкола на воде – все это стояло плотно, забор к забору, и везде кто-то жил. Влад шел дальше, выискивая место совершенно безлюдное, однако стояла летняя жара, все, кто только мог, спешили заселить собой лес, и лесополосу, и ивовые заросли на берегу реки, и Влад отчаялся найти укромное место – но лес оказался куда больше, чем он мог себе вообразить. Человеческие стоянки стали попадаться все реже и реже, и наконец-то Влад остановился: полное безлюдье, оказывается, угнетает сильнее, чем галдящая и жующая толпа. Он хотел повернуть обратно и потихоньку присоседиться к каким-нибудь туристам – но укорил себя за малодушие и поворачивать не стал. Ноги гудели; наступали сумерки. Влад решил, что стоит позаботиться о ночлеге и завтра уже выбрать место не спеша, основательно; кефир и пирожки он купил еще днем, на станции, и теперь поужинал при свете фонарика, с головой завернувшись в одеяло и уснул на хвое, под зверский визг комаров.

...Одиночество.

Походный опыт его был невелик, и все приходилось постигать на своей шкуре. Влад мерз и маялся жаждой, пил росу и собирал малину, жарил на костре свежпойманных верховодок и ел их, водянистых, без соли. Искусанная кровопийцами кожа зудела; до ближайшего сельского магазина, где Влад покупал хлеб, было два часа ходьбы. Иногда его подкармливали туристы, но чаще он проводил целые дни, не встретив ни одного человека. Время тянулось, как жвачка, Владу казалось, что он неделями и месяцами живет, не слыша голосов и не видя лиц, тогда как на самом деле вся его импровизированная робинзонада была длиною в восемь дней.

Каждый вечер он думал о маме: как она там? Волнуется? Рядом с магазином была почта, вечно закрытая, но один раз Влад все-таки достучался в двери и дозвонился в город. Мамы не было дома – никто не брал трубку. Тогда Влад перезвонил соседям, выпалил, что он здоров и все в порядке и чтобы это передали маме, – и на этом разговор оборвался...

На девятый день утром Влад придумал ответ на вопрос директрисы: «Зачем ты это сделал?» – «Я хотел испытать себя на выживание, почувствовать себя настоящим мужчиной»...

Звучало патетично, но одновременно и трогательно; Влад подумал, что ему поверят. Будут злиться, негодовать... но и радоваться будут, что Влад наконец-то нашелся. Наверняка та же директриса не раз говорила себе: «Пусть только найдется живым, я ему все прощу!»

Подумав таким образом, Влад, уже не первый день мечтающий о тарелке горячего супа, теплой воде и настоящей постели, рысью пустился в обратный путь.

Электричка задерживалась; на перроне собралась самая настоящая толпа. Влад влез в нее, как в теплое море, и долго бродил взад-вперед, не решаясь отойти в сторону. Толпа! Люди! Галдящие, не особенно вежливые, обремененные тюками и корзинами, пахнущие потом и перегаром, живые люди!

Пропихиваясь в душное нутро вагона, Влад улыбался. Надо было устроить эту глупейшую выходку с побегом, чтобы ощутить наконец-то, до чего ему дороги представители его собственного вида, причем не какие-то особенные, а все подряд. Вернуться бы сейчас в лагерь... может быть, его еще возьмут?

Впрочем, возвращаться в лагерь сейчас он не посмел бы. Доехал до города; вошел в телефонную будку, собираясь позвонить маме.

Монеток не было.

Влад потоптался, вышел; ему вдруг сделалось страшно. Ведь он обрек маму на восемь дней неизвестности! И наивно думал, что его звонок соседям – короткий сумбурный звонок! – способен хоть капельку ее успокоить!

Он вскочил в автобус и поехал домой.

Когда звонок отозвался в недрах дома, ему сделалось почти так же страшно, как было в тот день, когда под окнами редела сумасшедшая Иза...

Долго не было слышно ни звука. Может быть, мамы нет дома? Он принялся лихорадочно рыться в карманах в поисках ключа, которого не было, потому что в лагерь ключ решено было не брать. Вдруг за дверью послышались неверные тяжелые шаги, замок щелкнул...

– Прости, – быстро сказал Влад.

И отшатнулся.

Мама стояла перед ним в ночной сорочке – лицо ее было таким же белым, как выбеленная ткань. Опали щеки, заострился нос; губы покрыты были корочкой мелких болячек. И с этого постаревшего, немощного лица смотрели совершенно счастливые, глубокие глаза:

– Владка...

...Уже через час ей было гораздо лучше. Влад сидел спиной, чтобы не мешать маме одеваться, и слушал, и по щекам его бегали ледяные мурашки.

Мама заболела через несколько дней после его исчезновения. Ее сперва забрали в больницу, но она не смогла там остаться – она все ждала, что вернется Влад, вернется, а дома никого нет...

Убедительного диагноза так и не поставили, а все эти кризы, приступы и обострения никогда не водившихся у мамы болезней она в серьезный расчет не брала. Нервы? Да, она нервничала... Но в эти дни неизвестно, кому было лучше – ей, матери сбежавшего в поисках приключений Влада, или родителям тех ребят, которые никуда не бежали и остались в лагере...

– Что? – спросил Влад, и ледяные муравьи со щек перебежали на макушку, заставив шевелиться пропахшие костром волосы.

– Можешь повернуться, – сказала мама.

Она оделась и привела в порядок прическу; она выглядела с каждой минутой все лучше, и белый призрак, открывший Владу двери, отступал все дальше в его памяти, еще немного – и Влад поверит, что никакого призрака не было.

– В лагере отравились... – монотонно говорила мама. – Массово... Повариха под следствием... знаешь, грешили не то на крысиный яд в котле, не то на пестициды... там же поля кругом... Как раз самолет пролетал накануне, опылял... Комиссия работает... В хозяйстве клянутся, что ничем таким не брызгали, все безвредно... Директриса с инфарктом слегла... такая беда! Подумать только... Болтали про военные испытания, облучение, чего только не придумали... какой-то умник наркотики приплел... Ага, целый лагерь малолетних наркоманов, как же...

Мамины слова падали Владу на темя, холодные и быстрые, будто капли с ледяной сосульки.

– ...легко отделались. Зато твой отряд, Владка, больше всех пострадал. Десять человек в больнице! А Димка... ты не пугайся... Димка в реанимации... Я уж подумала грешным делом – лучше сыну в бегах быть... чем в реанимации... ты уж прости...

– Да уж, – сказал Влад непослушными, будто пластилиновыми, губами.

* * *

«Зачем ты это сделал?» – «Я хотел испытать себя на выживание, почувствовать себя настоящим... А если честно, я хотел посмотреть, как они будут без меня. Как они все – без меня...»

Они махали ему руками из окошек больницы. Потом спустились вниз в синих и серых халатах, вызывающих у Влада отвращение и жалость; через пару дней, выпущенные «на свободу», они храбрились и зубоскалили, топя в пошлых шуточках минувший страх.

...Началось с Димки и Ждана, Владовых соседей по палате, в несколько часов перекинулось на весь отряд, зацепило и соседей, но в меньшей степени. Слегли несколько учителей, подрабатывавших в лагере воспитателями. Болезнь проходила у всех по-разному, но общие звенья все-таки были: депрессия и слабость, тошнота и рвота, сильная головная боль, в особо тяжелых случаях – вот как у Димки – с галлюцинациями.

– Психотропное оружие на нас изучали, – авторитетно заявлял Антон, бывший Супчик.

– Секретные испытания на полигоне, – вторил ему Глеб. – А может, крысу в котле сварили.

– У девчонок все волосы повывлезали, – вздыхал Ждан. (Влад рад был убедиться, что он не прав. Волосы у девчонок, конечно, пострадали, но до лысин было далеко, и слова Ждана оказались «полемическим преувеличением».)

Приятным сюрпризом для всех было полное и довольно-таки скорое выздоровление «отравленных». Только Димка Шилов, к которому не пускали никого, в том числе Влада, по-прежнему оставался в реанимации.

Комиссия, расследовавшая происшествие в лагере, работала ни шатко ни валко. Что случилось и кто виноват – не знали, да и теряли надежду когда-либо узнать.

Влад дежурил под окнами реанимации, но Димка не вставал и не мог подойти к окну. Влад осаждал врачей, уговаривая, упрашивая, доказывая. Он пытался подкупить медсестер, плел что-то врачам о неисследованной силе человеческих взаимоотношений, клялся, что от одной только встречи с ним Димке станет легче... Он говорил чистую правду, но ему не верили.

Какая дружба! – шептались вокруг. Все как-то и забыли, что Влад сбежал из лагеря, всем было не до того, в особенности директрисе, которая, похоже, так никогда и не задаст Владу сакраментального вопроса: «Зачем ты это сделал?»

Из-под реанимации Влад возвращался домой и сразу же ложился спать. Ему снилось, что он – грибница. Что он не человек, а комоч тоненьких подвижных корешков, и эти корешки пронизали пространство вокруг, подобно живой паутине. И всякое существо, оказавшееся слишком близко, эта паутина пеленает сама, без помощи паука; корешки прорастают в ничего не подозревающую плоть, вокруг Влада ходят, улыбаясь, школьные приятели с проросшими головами, учителя, из чьих шей выпирают расплотившиеся в теле корни... плачет Иза, насквозь прошитая белыми отростками... Лежит в реанимации Димка Шилов, приросший к койке, прибитый к матрасу белыми волоконцами. А мама – мама!..

– Видно, я ту же болезнь перенесла, – говорила мама задумчиво. – Только у меня, видать, организм покрепче, а бедный Димка плох... Узнай, Влад, – может, надо скинуться всем классом на лекарства?

Влад кивал, сидя за шахматной доской, механически передвигая фигуры. В лагере они часто играли с Димкой – и последняя партия осталась неоконченной...

Влад все пытался сообразить, как ему узнать о судьбе Изы. Именно теперь ему необходимо было знать о ее теперешней жизни. Но как?..

Наконец он решился. Мама удивилась его просьбе. Но в конце концов собралась и ушла; Влад понимал, чего ей стоит этот визит, и искренне желал маме удачи.

Она вернулась, как ни странно, в хорошем настроении:

– Разумеется, они не хотели меня на порог пускать... Но девочка живет себе у бабушки, полностью выздоровела и знать тебя не знает. Во всяком случае, это они так думают, – и мама рассмеялась, а у Влада отлегло от сердца.

...Дней через десять вечно заплаканная Димкина мать принесла радостную весть: наконец-то перемены к лучшему! Димка поправляется, через несколько дней его переведут в палату и разрешат посещения...

Влад сидел перед шахматной доской, тупо смотрел на фигуры, но задача не решалась.

Все очень удивились, когда он категорически отказался навещать друга в больнице. Он, дневавший и ночевавший под окнами реанимации! Сильный стресс, решили все, а Димка, поправлявшийся медленно и с трудом, все чаще спрашивал о Владе, а ему говорили, что тот в отъезде...

Лето заканчивалось. Зарядили дожди; Влад не раз и не два надевал куртку, чтобы идти к Димкиным родителям. Чтобы объяснить на пальцах, почему именно им следует увезти сына из города. Увезти подальше – и сразу, как только тот поправится.

Иногда Влад даже выходил на улицу и проходил несколько кварталов по направлению к Димкиному дому – но тут же возвращался. Что он им скажет? Что объяснит? Расскажет про белесые волокна, прорастающие в телах других людей? В их душах? И что он услышит в ответ?

Оказавшись в тупике, он начинал успокаивать себя. Может быть, поправившись, Димка получит некий иммунитет против... против *этого*, чему Влад не знал названия. Ну, короче говоря, все будет по-прежнему, будто ничего не случилось, будто реанимация приснилась Димке, как Владу снится *грибница*...

Он нашел в библиотеке энциклопедию «Жизнь грибов» и долго сидел над ней, рассматривая блеклые, неприятные фотографии.

Потом взял со стенда медицинскую брошюру «Молодежь и наркотические вещества: медленная смерть».

– Интересно? – спросила библиотекарша.

Влад не ответил. Он как раз читал про «абстинентный синдром».

Глупая библиотекарша не нашла ничего лучшего, как позвонить Владовой маме, чтобы та присмотрела за сыном на предмет наркотиков; Влад долго успокаивал маму, а потом долго ворочался в постели, а потом, среди ночи, ему явилась *такая* мысль, что пришлось встать, в одних трусах идти на кухню и долго заваривать чай, так долго, что мама проснулась, увидела свет, вышла, обеспокоенная:

– Владка, что с тобой?

– Ма, – сказал Влад, тщательно размешивая пятую ложку сахара. – Слушай... Ты только не обижайся... А про настоящих моих родителей где-то можно найти сведения?

Мама часто заморгала:

– Влад...

– Прости, пожалуйста... Я все понимаю... Но если, например, у меня редкая наследственная болезнь... и надо проследить, откуда... это наследство...

– Какая у тебя болезнь? – спросила мама, стремительно бледнея.

– Никакая... Я же сказал – «если»...

Мама ничего не ответила. Влад первый отвел глаза.

* * *

Когда, по слухам, до Димкиной выписки из больницы осталось дня два или три, Влад наконец решился и позвонил в знакомую, много раз открывавшуюся перед ним дверь.

– Влад? – удивилась Димкина мама. – А ребята сказали...

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал Влад, чтобы сразу отсечь все пути к отступлению. – Это очень важно. Это касается Димки.

У бедной женщины вытянулось лицо. Видимо, вид у Влада был очень убедительный: бледные щеки, бегающие глаза, разве что на лбу не написано: «Я принес вам очередную крупную неприятность...»

Его провели на кухню и усадили на табурет. Димкин отец поставил на плиту чайник; он, в отличие от жены, не склонен был впадать в панику не от слова даже – от интонации.

– Значит, так, – сказал Влад, разглядывая пеструю клеенку на столе. – Надо его переводить в другую школу. Я не могу объяснить почему...

– Нет, ты все-таки объясни, – мягко сказал отец. – Мы тебя, Влад, знаем давно, ты вроде бы всегда был честным парнем... Если начал говорить – говори начистоту.

– Я не могу сказать, – повторил Влад упрямо.

– Ему кто-то угрожает? – быстро спросила мать. – Какие-то ваши, мальчишечьи... кто ему угрожает?

– Никто, – сказал Влад. – Ему нельзя встречаться...

И замолчал.

– С кем? – спросил отец. – Назови мне имя этого мерзавца. И тогда ему придется переходить в другую школу.

«А ведь это тоже выход, – вяло подумал Влад. – Взять и уйти самому... А там, в новой школе, начнется все сначала...»

Он передернулся, почему-то вспомнив Кукушку.

– Итак? – снова спросил отец. – С кем именно нельзя встречаться Диме? А?

Они ничего не поймут, подумал Влад. Это с самого начала было ясно. Он зря пришел. Он осложнил ситуацию. Теперь они начнут докапываться...

– Извините, – сказал он, с трудом отводя глаза от скатерти. – Я пойду...

– Ты никуда не пойдешь, – резко сказал отец, – пока не скажешь всей правды. Кто угрожает Диме?

– Никто.

– Вот теперь ты врешь.

– Я не могу сказать. Но если его перевести в другую школу...

Димкина мать нервно сцепила пальцы. Ей только этого не доставало. Едва удалось выводить сына, вырвать у неизвестной болезни, свалившейся как снег среди лета, – а тут еще эти недомолвки, тайные угрозы, бледный мальчишка с бегающими глазами, который на самом деле чем-то очень огорчен и обеспокоен. Вдруг с Димкой действительно что-то случится?

– Я позвоню твоей матери, – сказал Димкин отец.

– Не стоит. Она ничего не знает.

– Так я попрошу ее узнать! Я пойду к директору, в конце концов... Лучше бы ты сказал сразу, Влад.

– Не могу.

* * *

Все запуталось и осложнилось до предела. Мама была на грани слез:

– У него прямо голос дрожал, в трубке... Ну что ты им наговорил?! Какие угрозы?

Влад молчал.

– Если случится беда, ты будешь виноват, – тихо сказала мама. – Взялся говорить – так говори до конца!

– Ему нельзя встречаться со мной! – выпалил Влад. – Ему нельзя быть со мной в одном классе!

Мама долго смотрела на него. Потом подошла, коснулась его плеча:

– Влад... Что с тобой происходит? Ты плохо себя чувствуешь? Что ты там говорил о наследственных болезнях?

Влад молчал.

– Пожалуйста, – попросила мама тихо. – Доверяй мне... Что бы там ни случилось... Даже если это, не дай бог... даже если с тобой... мы со всем справимся, ты не бойся. Мы все одолеем...

Она говорила и говорила, а Влад стоял столбом, слушал, как горят от стыда щеки, и пытался проглотить застрявший в горле комок.

* * *

Димку выписали перед самым началом занятий. Разумеется, в школу вместе со всеми он не пошел – предстояли две недели «реабилитации»; в гостях у выздоравливающего перебивало полкласса. «Доброжелатели» тут же донесли ему, что Влад никуда не уезжал, ничем не болен, а просто не желает видеть бывшего друга; в то же время Димка уже пережил разговор с родителями, и не один. Разумеется, он все отрицал; разумеется, никто ему и не думал угрожать, какая там другая школа, что за глупости наплел этот Влад...

Димка знал, что Влад каждый день ходит в школу. Телефон у обоих был исправен – тем не менее Влад так ни разу и не позвонил.

И Димка, затаивший обиду и недоумение, не звонил тоже.

Прежде, случись друзьям ненадолго расстаться, Димка всегда прибегал в гости первым. Влад привык к этому и воспринимал как должное; теперь, пройдя реанимацию, Димка хранил сдержанность, и равнодушие Влада выглядело со стороны странно и возмутительно.

Роль ходячей совести самозвано принял на себя Ждан.

– Ты можешь хотя бы объяснить?! – восклицал он патетически. – Ты можешь хотя бы объяснить человеку, за что ты так на него наплевал?

На щеках Ждана ходили желваки, под тонкой рубашкой перекачивались заботливо наращенные мускулы; во все стороны растекался густой запах дезодоранта. «Еще в морду даст», – подумал Влад устало. Не верилось, что вот этот молодой бычок еще пару лет назад считался в классе безответным мальчиком для битья. Что это с его сгорбленной спины Влад отлепил когда-то похабную картинку...

– Не твое дело, вообще-то, – сказал Влад, глядя в изумрудно-зеленые глаза Ждана. – Наше с Димкой дело. А ты усохни. Понял?

Ждан посопел угрожающе, но дальше сопения дело не двинулось.

Влад смотрел в оскорбленную Жданову спину – и думал о том, что уже через пару дней отчуждения тому захочется подсесть поближе. Как бы невзначай спросить о чем-то, задеть рукавом о рукав, списать решение задачи; самому Ждану это будет неприятно и удивительно, но он придумает, как усыпить самолюбие. Он скажет самому себе, что попросту использует этого зазнайку, что вовсе не дружит с ним, что решение задачи нужно ему позарез, а подсесть поближе вынудила какая-то насущная необходимость... Например, из окна дует... А через месяц он и думать забудет о ссоре – преспокойненько станет болтать с Владом на переменках, как будто и не было никакой размолвки...

Влад недооценил Ждана. Самоуверенный молодой боксер, не так давно травимый, теперь сам решил устроить товарищу полноценную травлю; уже на другой день, явившись в школу, Влад обнаружил там надменные лица, демонстративно отведенные взгляды и прочие атрибуты бойкота.

Он растерялся. Потом возмутился; первым желанием его было придушить Ждана или, что гораздо лучше, вернуться на два с половиной года назад и остановить собственную руку, срывающую бумажку со Ждановой спины.

Начались уроки; слушая монотонный голос исторички, Влад понемногу успокаивался. Обида улеглась; осталось любопытство. Ну, и как вы без меня?

Два дня класс самозабвенно играл в новую игру. На третий день подняли бунт девчонки: почему это они должны бойкотировать Палия за то, что он поругался с Шиловым? Это их личное дело, какого черта кто-то должен вмешиваться?

Да, девчонки капитулировали первыми – впрочем, может быть, девчонки просто практичнее? Им не очень-то нравится терпеть неудобства в угоду чьим-то там амбициям... А в том, что неудобства были, сомнений не оставалось.

Бойкот продолжался силами одних только ребят. Влад наблюдал; он уже понял к тому времени, что Ждан преподнес ему неожиданный подарок: практический эксперимент над *грибницей*.

Хуже всех приходилось тем, кто общался с Владом ближе других. Те, кого он недолюбливал и с кем разговаривал редко, выдерживали бойкот дольше. Зато те, кто жил с ним в лагере в одном корпусе, кто хоть иногда списывал решения, кто просил у него на уроках линейку или давал свою, кто рассказывал анекдоты в одной с ним компании, кто был с ним в одной волейбольной команде, кто хоть изредка играл с ним в шахматы – все они хитрили, юлили, изворачивались таким образом, чтобы и с Владом поговорить, и формальных законов бойкота не нарушить:

– Эй, ты! Куда прешь?

– А ну, пропусти...

– Давай, вали отсюда!

...Ноги у Влада были отдавлены чуть не по колено. Одноклассники искали контакта с ним – проще всего было наступить ему на ногу, а потом еще и обругать, как бы сгоряча. Но для душевного комфорта такого «общения» не хватало; атмосфера в классе все больше накалялась. Пацаны сделались раздражительными сверх меры; девчонки тоже злились и в конце концов объявили альтернативный бойкот – Ждану, а тому и так приходилось хуже всех. Однажды, не выдержав, он прижал Влада к стенке – в буквальном смысле, после уроков, в традиционном для этого месте – мужском туалете:

– Ты! Ты понял?!

Что он хотел сказать – не имело значения. Он держал Влада обеими руками за плечи, он смотрел ему в глаза, он говорил с ним – и Влад видел, как наливаются здоровой краской бледные щеки, как просыпается радостный огонек в зеленых глазах:

– Ты! Ты понял или нет?!

Ждан нарушал им же установленный закон – о запрете разговоров с «этой сволочью». Нарушал со сладострастием, со щенячьим каким-то повизгиванием; Владу захотелось сказать ему, что в его, Влада, силах сделать Ждана своим рабом. Что он уже – его раб. Что Владу достаточно спрятаться на неделю, нет, всего на несколько дней... чтобы Ждан приполз к нему на пузе, со слезами вымаливая один взгляд, одно слово. Он уже открыл рот, чтобы все это сказать, – но вспомнил о Димке и заткнулся.

Ждан, чье душевное равновесие наконец-то восстановилось, выпустил его плечи. Во всяком случае, бить ни с того ни с сего человека, который не оказывает сопротивления, бить одноклассника, бить Влада он не был пока готов.

Пока.

Ждан смотрел на Влада, по-прежнему стоящего у стены. И, кажется, пытался вспомнить, что здесь происходило три минуты назад.

Потом вдруг съезжился, сразу напомним прежнего Ждана, «вонючку» и парию. И торопливо вышел.

Бесшумно сочилась вода из неисправного крана.

Влад умывался долго и тщательно. Как будто холодная вода чем-то могла ему помочь.

* * *

Накануне дня, когда Димка должен был явиться наконец в школу, Влад нанес бывшему другу визит. Димкина мать пустила его в дом с большой неохотой.

Димка стоял посреди своей маленькой комнаты, всюду – на полу, на диване, на столе – разбросаны были тетради и учебники, у Димкиных ног стоял раскрытый кожаный портфель – пустой. Влад долго смотрел на портфель; такая вещь давно была его мечтой. Красиво, вместительно, для каждой вещи есть свое отделение...

Димка стоял, не говоря ни слова. Смотрел сурово; прежде он всегда радовался Владу, хоть уголками губ, хоть взглядом – но радовался. Теперь на Влада смотрел незнакомый, сильно подросший, очень коротко стриженный, очень исхудавший парень.

Владу вспомнилась мама, какой она была, когда отперла ему, бродяге, дверь. В новом Димке что-то было... цвет кожи? Бумажно-белый, а ведь когда они виделись в последний раз... кажется, триста лет прошло... Димка был загорелый, как жаренная в масле картошка...

Влад снова перевел взгляд на пустой портфель. Собрался с духом:

– Я должен тебе кое-что сказать...

Димка вздохнул.

Влад шагал по комнате, перешагивая через учебники, бумаги и папки, спотыкаясь, давя канцелярские принадлежности уязвимыми, в одних носках, пятками. Влад жестикулировал; сбивался, задумывался, через каждое слово вставлял: я не вру, ты только поверь, это правда, ты пойми, это правда...

Димка слушал, сидя на краю дивана.

– Уезжай, – говорил Влад. – Я бы и сам куда-то уехал... Но мама! Она же без меня не может. А как я ей объясню?! Она же не поверит! Уезжай, Димка, я твоим родителям... прости, глупость это была, они все равно не поняли... не поверили... Ты поверь, это правда... Ты вспомни, как все было... Нам нельзя! Нам вместе – нельзя! Мы же не будем всю жизнь в одном классе учиться?!

Он путался – слова, давно отточенные и отрепетированные, будучи произнесены вслух, оказались абсолютным бредом. Димка слушал – печальный, незнакомый юноша; в глазах его не было доверия. Удивление – было. И еще что-то, подозрительно похожее на безразличие. А может быть, Владу показалось?

Он оборвал себя на полуслове:

– Все. Не веришь – твое дело. Ты только вспомни все, что было... Я пошел.

Его уход напоминал бегство. Шнурки, например, пришлось завязывать уже на улице – лишь бы не провести лишних тридцать секунд в полутемной прихожей враждебного, недоумевающего дома.

Глава 4

Мама

Через полгода он вспоминал этот свой демарш со снисходительной улыбкой. Все события этого неприятного лета казались далекими, не вполне правдоподобными; сны о *грибнице* не повторялись давным-давно.

Все уладилось само собой. Все устроилось как нельзя лучше. Его любили все, и одноклассники и учителя, он по-прежнему водился с Димкой, а Ждан крутился вокруг, подлизываясь и не упуская случая назвать Влада другом.

Мама сделалась спокойна и даже, наверное, счастлива. Чувствовала себя хорошо, получила повышение по службе, по утрам занималась гимнастикой и каждый вечер играла с Владом в шахматы.

Расследование о происшествии в лагере зашло в тупик. Никого так и не наказали – если не считать порушенных репутаций и погубленного здоровья. Географичка, бывшая в лагере директрисой, без почестей ушла на пенсию; на ее место прислали новенькую, молодую, хорошую собой и невероятно стервозную особу.

Новая географичка начала с введения собственных порядков. Какие-то топографические диктанты, контрольные и тесты следовали один за другим: за две недели Влад получил две тройки и двойку, а вместе с ними – удар по самолюбию.

У географички был вздернутый носик, короткие черные кудри, гладкие румяные щеки и очень яркий, красиво очерченный рот. Следующие две недели Влад буквально не давал ей проходу.

Он попадался ей в коридоре – будто невзначай. Он заводил разговоры на уроках; он раздобыл какие-то географические журналы и таскал их в школу, чтобы спросить ее мнения по каким-то совершенно пустяковым, но экзотичным и заковыристым вопросам. Она сперва милостиво внимала, потом начала раздражаться, потом стала отмахиваться от Влада, как от мухи, и не замечать на уроках его поднятую руку. Он продолжал осаждать ее, нисколько не смущаясь. Ему все равно было, что она о нем подумает. Важен результат.

Наконец, примелькавшись географичке, надоев ей, чуть не навязнув в зубах – Влад перестал ходить на ее уроки.

Он выучил ее расписание и прекрасно знал школьные коридоры. Приходилось быть начеку, потому что через неделю чернокудрая дамочка уже всю пренебрегала обычными маршрутами: ее видели то на первом этаже у малышей, то в спортзале, то в столярной мастерской. Казалось, она просто гуляет по школе; никому и в голову не могло прийти, что географичка бродит, подобно неупокоенному духу, в поисках одного прогульщика, в поисках надоедливого Влада Палия. Возможно, она и сама не отдавала себе в этом отчет – однако очень злилась:

– Где Палий?! Я знаю – он был сегодня на двух первых уроках! Вот, отмечено в журнале, что он был! Передайте этому прогульщику, что он получит итоговую единицу, что его не переводят в следующий класс!

И прежде не очень-то добрая, географичка превратилась в настоящую фурию. Двойки сыпались как из рога изобилия, у завуча волосы встали дыбом, когда она открыла многострадальный журнал...

– Она тебя убьет, – серьезно говорил Ждан. – Она ненормальная какая-то. Зачем ты ее дразнишь?

Димка молчал. Смотрел испытующе.

Со времени того сумбурного осеннего разговора они никогда больше не возвращались к скользкой теме. Владу удобнее было считать, что Димка ему не поверил.

– Ты думаешь, она тебе обрадуется? – спросил Димка однажды, на автобусной остановке, где расходились их пути по возвращении из школы.

Влад пропустил свой автобус. Поковырял носком ботинка серый снег:

– Я думаю, она упишется от счастья. И долбанет мне итоговую «пять». Хочешь поспорить?

– Нет, – сказал Димка, провожая взглядом другой автобус, свой. – Но ты мне... расскажешь, как дело было?

Влад почувствовал прилив куража:

– А хочешь, я прямо при тебе? У тебя на глазах? Хочешь это увидеть?

* * *

Журнал он выпросил в учительской. Сказал, что географичка просит; Владу доверяли. Зажав под мышкой заветный документ, он ринулся в кабинет географии – сейчас там никого не было, кроме чернокудрой жертвы, да еще возился под партами Димка – делал вид, что потерял колпачок от ручки...

Дверь распахнулась одним движением. Легко и беззвучно.

Географичка сидела за учительским столом, лицо у нее было серым и желчным, уголки рта смотрели вниз. Она разинула было рот, чтобы отругать идиота, открывающего ногой двери...

И так и замерла – с опущенной челюстью.

Влад улыбнулся.

И географичка, как в зеркале, улыбнулась в ответ! Кажется, он впервые видел ее улыбку.

Пропали морщины. Исчезла угрюмость. Широко открылись вечно прищуренные глаза – карие, молодые, наивные. Географичка сидела перед Владом – и улыбалась во весь рот, хорошенькая, помолодевшая сразу лет на десять, веселая добрая женщина.

Влад не видел схоронившегося под партой Димку – но ощущал его напряженный взгляд.

– Добрый день, – сказал Влад. – Я вот самостоятельно журнал принес... Я прошу прощения, тут у меня были такие обстоятельства... Такая тема... Но я работал самостоятельно, проработал три новые темы, а вы ведь сегодня ставили всем итоговые по этим темам, но я работал самостоятельно, пожалуйста, и мне поставьте... Я ведь работал по этим темам самостоятельно...

Говорить можно было все, что угодно, но опорных слова было три: тема, работал, самостоятельно.

– У тебя совсем нет совести, – сказала географичка таким тоном, каким обычно признаются в любви.

Замутненным взглядом посмотрела в журнал...

И поставила Владу итоговую «четыре».

– Ты так много пропустил... И ты ведь не писал контрольную...

Влад аккуратно выдернул из-под географички журнал. Он был разочарован.

– Спасибо... До свидания.

И вышел, оставив чернокудрую с рассеянной улыбкой на лице – и Димку, скрючившегося под партой.

* * *

– Это все-таки не «пять», – сказал Димка, разглядывая журнал. – Это «четыре».

– Ты все видел? – с нажимом спросил Влад.

– Но это «четыре», – повторил Димка. – Это все-таки не «пять».

– Но ведь она собиралась ставить мне единицу!

– А может, она в тебя влюбилась, – предположил Димка. – Она же ведет себя как влюбленный человек. Когда тебя нет – злится и ищет тебя. Когда ты вдруг появился – все простила... И потом, ведь это не «пять». Это «четыре».

– Теперь ты мне не веришь? – спросил Влад.

– Но это же бред, – тихо ответил Димка. – Это же... все иначе можно объяснить. По-нормальному... Вот если бы ты... на расстоянии двигал предметы... или зажигал спички – взглядом... Тогда да...

И оба надолго замолчали. Журнал надо было немедленно сдать обратно в учительскую – тем не менее они сидели друг против друга на холодном, очень широком подоконнике четвертого этажа и ждали невесть чего.

– Ты знаешь... – неуверенно начал Димка.

– Что?

– Я поеду к бабушке, – сказал Димка собранно, будто приняв наконец-то важное решение. – На выходные. И там застряну. Придумаю что-нибудь... Так что ты не удивляйся, я в понедельник в школу не приду...

– Адрес бабушки оставь, – после паузы попросил Влад.

– Зачем?

– Дурак, – сказал Влад.

– Может, и дурак, – вздохнул Димка. – Но это очень важно. Для меня.

И замолчал.

Возможно, он хотел бы сказать, как страшно походить на угрюмую географичку. Или на ревущую Изу. Или как страшно было ему в реанимации...

– Понимаю, – сказал Влад. – В конце концов...

И подумал: а вдруг? Вдруг Димка вернется через неделю, довольный и здоровый, хлопнет Влада по плечу... и вернет ему его «дурака»?

Мало ли?

* * *

В понедельник Димка не пришел в школу.

Владу снилась какая-то белиберда. Сети, нити, вокзалы, вечные опоздания на поезд, когда надо бежать, но нет сил сдвинуться с места...

Во вторник Димки все еще не было.

В среду – Влад специально никуда не отлучался, сидел дома – раздался междугородный звонок.

– Приезжай, – хрипло сказал незнакомый голос, в котором с трудом угадывались Димкины интонации. – Поселок... Вязки... Канатная, дом три...

Через десять минут Влад уже бежал за автобусом. Через полчаса – трясся в электричке.

Маме осталась корявая записка: «Все в порядке, срочно выехал, Димка болен. Позвоню».

Стемнело. Влад метался по платформе станции Вязки, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто знал дорогу на улицу Канатную...

Дверь открыла до смерти перепуганная старушка. Не снимая грязных ботинок, Влад ввалился в комнату; Димка, сделав явное усилие, сел на постели.

– Привет, – сказал с наигранной веселостью. – Я и не думал, что ты так быстро доберешься...

Потом, когда Димка заметно порозовел, когда Влад позвонил маме и успокоил ее и когда Димкина бабушка тоже немножко успокоилась – ввалились Димкины родители. Если раньше Влад только слышал идиому «глаза на лбу» – то теперь он вживую увидел, что это значит.

А еще потом, когда оба тряслись бок о бок в машине Димкиного отца по дороге в город, – Владов друг сказал еле слышно:

– Понимаешь... Сильно в больницу не хотелось. А так... можно перетерпеть, ничего страшного. Если бы не эти паникеры...

И Влад с благодарностью пожал ему руку.

* * *

Мама разливала суп. Сперва в глубокую тарелку с синей каймой – Владу; потом в глиняную миску с узорами – себе. Прежде таких мисок было четыре: одну разбил Влад, когда ему было лет пять, вторую – опять-таки Влад в прошлом году, а третья разбилась сама, по необъяснимой причине соскользнув с края раковины.

Осталась одна, и сейчас в ней дымился суп.

Влад нарезал хлеб. Протянул горбушку маме. Он всегда оставлял ей горбушки. Даже когда был маленький.

– Как там Димка? – спросила мама.

– Уже хорошо, – отозвался Влад. Овощи в его тарелке плавали взад-вперед, повинуюсь ложке-веслу; Влад смотрел, как мама ест. Как падают в тарелку одинокие капли; как пустеет глиняная миска, как тает на столе горбушка.

Суп в его тарелке остывал.

– Ты чего? – настороженно спросила мама.

– Ничего, – Влад вздохнул. Ему казалось, что между ним и мамой проведена поперек комнаты жирная меловая черта.

– На будущей неделе наконец потеплеет, – сказала мама. – И так полвесны съедено неизвестно каким циклоном...

– А давай купим еще один цветочный ящик, – сказал Влад.

Мама промокнула губы салфеткой. Легко поднялась; полнота, появившаяся в последние годы, не сумела отяготить ее движений. Сказывалась юношеская любовь к волейболу и пешим походам.

Влад смотрел, как мама моет тарелку. Как споласкивает подвернувшуюся чашку из-под чая, которую Влад поленился вымыть утром.

– Мам...

Она сразу же обернулась:

– Да?

Воображаемая черта висела между ними, как бельевая веревка. Влад почему-то был уверен, что мама ее тоже видит.

– Мам, расскажи, как ты меня выбирала.

...Со времени Владова младенчества этот ритуальный рассказ повторен был тысячекратно. Маленький Влад слушал его охотнее любой сказки; правда, в последние годы он редко обращался к маме с традиционной просьбой. В последний раз – года полтора назад, наверное.

Мама улыбнулась, вытирая руки полотенцем. Преодолевая невесть откуда взявшееся смущение:

– Захотелось мне сына. И пришла я в специальное место, где было много маленьких детей...

– И все они лежали в кроватках... – подхватил Влад.

– ...И я стала выбирать себе самого лучшего мальчика, но не могла выбрать. Но потом увидела тебя и поняла, что ты мой сын. И забрала тебя домой...

– Ты, по-моему, что-то пропустила, – сказал Влад.

– Пропустила, – тихо призналась мама. – Как мне запрещали это усыновление. Как придирались к тому, к сему... А в особенности им не нравилось, что я не замужем...

Воображаемая черта-веревка грузно колыхнулась.

– А все-таки... как ты меня выбирала?

Мама посмотрела на свои руки, на зажатое в них мокрое полотенце:

– Это был такой праздник... когда мне все-таки разрешили. Дома уже стояла кровать, в шкафу – все, что надо... ванночка, обогреватель для питания... А когда я оказалась... среди этих кроваток... мне стало страшно, Владка. Смотрю... теряюсь. Не могу решиться. За плечом сопит нянечка... все они спят. Дисциплинированно так... до сих пор не понимаю – почему они все спали? Никто не плакал. Даже те, кто лежал с открытыми глазами...

– Я спал?

– Нет, ты смотрел.

– На тебя? Может, я улыбнулся?

– Нет. Ты просто смотрел... Можешь верить, можешь нет, но я действительно поняла, что выбор сделан. Сразу.

– Ты брала меня на руки?

– Ну конечно...

– Ты сначала решила, что я – твой, а потом взяла меня на руки? Или сперва взяла, а потом решила?

Мама заколебалась. Посмотрела на Влада недоуменно:

– Не помню...

– Ну вспомни, пожалуйста. Как долго ты меня держала? Минуту, полчаса?

Мама долго молчала, сдвинув брови.

– Я носила тебя по проходу между кроватками, – сказала она наконец. – А нянечка все сопела... И чего-то требовала от меня... Чтобы я положила тебя на место и шла оформлять документы... А мне не хотелось тебя класть на место...

– Мама, – сказал Влад. – Когда ты сказала им, что берешь меня, именно меня... Они не пытались тебя отговорить?

Мамины брови окончательно сошлись на переносице. Двумя вертикальными линиями пролегли прежде незаметные морщины:

– Владка... ну почему ты спрашиваешь... откуда у тебя эти дурацкие мысли?

– Ну пытались? Не говорили что-то... о дурной наследственности, например? Или о каких-то странностях, связанных именно вот с этим младенцем? Не предлагали тебе других? Не просили подумать, выбрать еще?

– Владка, – сказала мама после длинной-длинной паузы. – Ты меня пугаешь. Что опять? Что опять с тобой происходит? Я думала, что все прошло... переходный возраст... Я надеялась... И вот – опять...

Владу сделалось жаль ее. Так жаль, что больно стало в горле.

– Мама, – сказал он, мысленно разрывая черту, как бегун-победитель рвет финишную ленточку. – Я тебе расскажу... Только ты выслушай все сразу, ладно? До конца. Хорошо?

И заговорил, сидя над стылым супом. Мама сперва стояла, комкая в руках полотенце; потом подошла и села напротив, а полотенце положила на колени.

– Все? – спросила она, когда Влад охрип.

– Все, – сказал он безнадежно, потому что воображаемая черта, оказывается, никуда не делась.

Мама помолчала. Подперла щеку кулаком; неожиданно улыбнулась:

– Когда мне было одиннадцать лет, я целый месяц была убеждена, что у меня какая-то страшная неизлечимая болезнь. Этап, который проходят в определенном возрасте все девочки,

оказался для меня жутким потрясением... в то время как надо было просто открыть рот и признаться матери. Только и всего.

– Ну у тебя и параллели, – Влад невольно улыбнулся в ответ.

– А что ты думаешь? – невозмутимо продолжала мама. – Ты нафантазировал себе бог весть что... Ну почему ты не рассказал раньше?! Если это все, что тебя беспокоит... Ребята проводят тебя, когда ты болеешь. И что? Ну, любят тебя в классе. Ну, пользуешься авторитетом. Это ужасно, правда?

– А Иза?

Мама вздохнула:

– В моем классе одна девочка едва не покончила с собой из-за несчастной любви. Из петли вынули. Теперь – примерная жена и мать, у нее трое, младший – твой ровесник... Да влюбилась в тебя эта Иза, а у тебя, как и у всех пацанов в этом возрасте, просто глаз нет... простых вещей не видите...

– А лагерь?

– А что – лагерь? Вон, в новостях показывали, в одном поселке на свадьбе сорок человек насмерть отравились. Не то грибами, не то пирожными.

– Но в лагере...

– Владка, ну не говори же ты глупостей. Во втором классе ты был в санатории месяц... даже полтора... Твои одноклассники преспокойно пережили это время без тебя. В третьем классе Дима, твой друг, угодил в больницу... Дима – не великого здоровья человек, к сожалению. У него полно хронических болячек... И еще – он очень внушаемый. Помнишь, в четвертом классе его тоже хотели отправить в санаторий – на все лето? И как у него температура поднялась неведь откуда? Отменили поездку – температура упала. Назначили поездку снова – опять поднялась...

– Может, он термометр натирал, – предположил Влад.

Мама покачала головой:

– Да нет... «Натертый» термометр – детская легенда. Кто хоть одного ребенка вырастил, тот рукой меряет температуру с точностью до двух десятых... – она посмотрела на свою ладонь. – А что я тогда, летом, свалилась... так ведь нервничала, Влад. Сын сбежал неведь куда – все-таки волновалась... немножко. Да?

– Мама, – сказал Влад шепотом. – Ну прости, пожалуйста.

– Да я же не упрекаю, – удивилась мама. – Я, наоборот... У меня, можно сказать, гора с плеч...

Они включили телевизор, бок о бок уселись на диване – и до полуночи смотрели какой-то глупый фильм, то и дело обмениваясь едкими к нему комментариями.

* * *

– А я в командировку еду, – радостно сообщила мама дней через десять. – Ты хотел самостоятельности – и флаг тебе в руки. Дерзай. Только дом не спалите с командой своей.

– Ты же всегда отказывалась от командировок, – пробормотал застигнутый врасплох Влад.

– Всю жизнь отказывалась... а теперь съезжу. На недельку.

– Так долго?!

Мама развела руками:

– На меньший срок нет смысла ехать, ты уж извини... Тренируйся жить самостоятельно. Тебе уже скоро шестнадцать...

Влад открыл было рот – и так и закрыл, вхолостую. Испугался неведь чего. То ли мамин насмешки...

То ли побоялся спугнуть спокойную мамину уверенность в том, что все будет хорошо.

Она, эта уверенность, много раз выручала его в жизни. В детстве ему казалось, что такое вот мамино спокойствие – как протянутая в будущее рука, выстраивающая там желанные события и разрушающая беды.

И, в который раз доверившись маминой внутренней силе, Влад промолчал.

* * *

На третий день рано утром Влад подскочил в постели от телефонного звонка. Телефон орал не умолкая – звонили по межгороду.

– Да?!

– Ответьте Маковке, – равнодушно предложила телефонистка.

– Какой... алло?

Треск в трубке.

– Владка, – сказала мама, голос ее доносился будто из-под толстого одеяла. – Что с тобой?

– Со мной? Все в порядке, все нормально... А ты откуда? Из этой... из Маковки?

– Я еду домой, – сказала мама. – Буду после обеда.

– Со мной все в порядке...

– Да, да. До встречи...

Короткие гудки; через минуту после того, как Влад положил трубку, телефон затрезвонил снова, и телефонистка, равнодушная как робот, поинтересовалась:

– Поговорили?

– Да, – сказал Влад.

Спросонья он всегда сообщал тугу.

Маковка...

Мама возвращается.

Он едва досидел до конца уроков. Бегом вернулся домой, поставил разогреваться обед; почему-то некая Маковка, упомянутая телефонисткой, не шла у него из головы. Знакомое название? Маковка, Маковка...

Наконец он полез в книжный шкаф и отыскал там «Атлас автомобильных дорог», в свое время купленный в «Букинисте» как раз за то, что не только большим, но и малым населенным пунктам прилагалось в нем краткое описание.

Маковка. Сто тысяч жителей. Краеведческий музей, стоянка древнего человека, региональный Дом малютки...

Как раз в этот момент раздался еле слышный скрежет ключа в замке, и одновременно с ним Влад понял, что по всему дому воняет подгоревшим на сковороде пюре.

– Мама!

Она смотрела на него, будто в первый раз видела. Положила руку на плечо; притянула к себе. Обняла:

– Сон мне приснился скверный... Стара я стала для командировок. Невозможно работать, когда постоянно мерещатся какие-то беды. То пожар... то вроде ты под машину попал... Избаловала я тебя, и сама избаловалась. Так и будешь жить, под маминой юбкой...

Она шутила. Она вовсе не казалась больной, она не была даже бледной; осторожно обнимая плечи под влажным плащом, Влад лихорадочно сообщал, что теперь говорить и что делать.

– Мама...

– Со мной все в порядке. Я... просто соскучилась. Не тешь свою фантазию, я просто соскучилась по сыну...

Он поставил разогреваться новую порцию пюре. Пюре еще было много – целая кастрюля; предполагалось ведь, что Влад целую неделю пробудет один на хозяйстве...

– Ты была в Маковке?

Он все-таки не удержался. Надо было дать ей поесть, отдохнуть... Семь раз отмерить и тогда уже спрашивать.

Мама не умела притворяться. Ее реакция сказала Владу больше, чем любые слова.

– Я салат нарежу, – предложил Влад, отводя глаза.

– Нарезь, – тихо согласилась мама. – Да, я была... там такая плохая связь...

Влад мог бы сказать, что командировка у мамы была в совсем другой город. Но он промолчал.

– Я поехала в это Гродново, – бесцветным голосом сказала мама. – Остановилась в гостинице... скверной... зарегистрировалась на этой конференции... прослушала пару докладов... и поняла, что зря приехала. Какие-то второстепенные проблемы, третьестепенные докладчики... А тут еще эти сны. Короче, на другой день я прочитала свой доклад и уехала обратно...

Влад мог бы сказать, что Маковка находится вовсе не на дороге из Гроднова, а вовсе даже в противоположной стороне. Но он промолчал.

– И заехала в Маковку, – со вздохом призналась мама.

В Дом малютки, чуть было не сказал Влад.

Мама подняла на него усталые, будто припорошенные моросью глаза:

– А почему бы мне не заехать в Маковку? У меня там были... оставались хорошие знакомые... те, что помогали мне тебя усыновить...

Но ты с ними пятнадцать лет не виделась, хотел сказать Влад.

– Мы давно не виделись... Кое-кто уже и умер, оказывается...

– Селедку будешь? – спросил Влад. – С маслом?

– Нет, – мама покачала головой. – Я вообще есть не хочу. Сделай мне чаю, пожалуйста...

Влад придавил тяжелым чайником голубой венчик горелки.

Он понимал, что мама недоговаривает. И что он, Влад, никогда не решится спросить напрямую, не будет добиваться ответа.

И знал, что эта недоговоренность навсегда останется между ними. Не даст покоя.

Они долго молчали. «Снаружи» был обыкновенный разговор – Влад рассказывал о событиях в школе, мама жаловалась на сквозняки в поездах, на дороговизну билетов, – но «внутри» между ними было молчание из породы гробовых, и оба это понимали и хотели бы оборвать болтовню – но все никак не решались.

– Я пойду к себе, – сказал наконец Влад. – Уроки...

– Да-да, – сказала мама. – Конечно...

И Влад пошел.

И уже на лестнице его догнало короткое мамино:

– Влад...

Он оглянулся.

– Я искала ту администраторшу, – сказала мама, глядя ему в глаза. – Ту самую, которая уговаривала меня не забирать тебя. Выбрать кого-то другого. Я хотела найти ее... но она умерла.

Глава 5

Выпускной

Рассвет лежал над речкой, серенький, неказистый, облачный, совершенно не соответствующий своему великому назначению – отделять детство от юности.

– Утро новой жизни, – ворчливо сказала Марфа Чисторой.

– Уж какое есть, – хмыкнул Влад.

Выпускной бал заканчивался. Они стояли над рекой, на смотровой площадке, и утренний ветер перекатывал у них под ногами обертки от конфет и бумажные стаканчики.

Девчонки кутались в кофты поверх выпускных платьев.

Ребята выглядели как потасканные конферансье после ночного загула – в мятых костюмах, потных крахмальных рубашках, со съехавшими набок бабочками.

– Спать охота, – сказала Марфа.

– Всю жизнь продрыхнешь, – весело заметил Димка.

Он был очень весел сегодня. Прямо-таки фонтан энергии, неиссякающий гейзер остроумия, еще немного, и он утвердится в роли души компании – то есть захватит место, два последних года успешно занимаемое Владом...

– Ты вроде бы даже рад, – сказал Влад, когда они нестройной толпой возвращались к автобусу.

Димка оглянулся через плечо:

– Нет, я не рад. Но когда человек принимает решение... ему гораздо легче.

Влад устыдился.

В автобус садиться не спешили. Надували воздушные шарик, истерически смеялись всякий раз, когда они лопались; расписывались друг у друга на манжетах. Девчонки перекладывали из руки в руку увядшие за ночь цветы. Кое-кто дремал на задних сиденьях; водитель начинал раздражаться.

– Пойдем пешком, – предложил Влад.

Они потихоньку выбрались из толпы и, сбивая росу с сизой парковой травы, потрусили прочь.

Было уже совсем светло. Просыпались птицы.

– Я не радуюсь, – повторил Димка.

Он был очень импозантен в бордовом замшевом пиджаке с тоненьким, как удавка, темным галстуком на шее. Влад подумал, что Димка выглядит старше своих лет. И что он, Влад, рядом с Димкой – мальчишка.

– Всему свое время, – продолжал Димка. – Нам есть что вспомнить... и мы будем вспоминать. С удовольствием. Потом.

– А может быть, обойдется? – безнадежно спросил Влад.

Димка покачал головой:

– Нет... рано или поздно... это должно было случиться. Только не рассказывай мне, что больной зуб надо вырывать потихоньку, постепенно, медленно...

– Я для тебя – больной зуб?!

Димка остановился. Влад по инерции пробежал еще два шага – и остановился тоже.

– Ты для меня друг, – тихо сказал Димка. – И всегда им останешься. Сомневаешься?

Влад мотнул головой, и они пошли дальше.

Город был пуст и влажен. Даже дворники еще не проснулись – только выпускники, ошалевшие от свалившейся на них свободы, шатались парами-тройками, возвращались домой после бурно проведенной ночи.

Влад и Димка шагали молча, потому что все, что можно было сказать, было многократно переговорено вчера, позавчера, неделю назад.

«Поклянись мне, что ты не скажешь ни мне, ни моим родителям, никому из класса не скажешь, куда ты уехал».

Их обогнал автобус. Одноклассники азартно махали руками, плющили носы о стекло, однако водитель не остановился.

«Поклянись, что никто в городе не будет знать, куда ты уехал». – «А мама? Вдруг она кому-то скажет?» – «Сделай так, чтобы не сказала. Придумай как».

Они шли знакомыми улицами. Кое-где уже посвистывали метлы. Над мусорными баками маячили серые тени утренних котов.

«Но мы ведь потом увидимся? Когда-нибудь?» – «Конечно. Когда-нибудь».

В подворотне напротив распивали что-то из лимонадных бутылок. Шесть утра...

«Ребят, наверное, тоже шарахнет. Как тогда в лагере... Поэтому уезжай в июле, чтобы мы успели оклематься до августа, до вступительных». – «Я тебе позвоню...» – «Не звони. Напиши открытку. И, Влад, если ты вернешься... если ты... тогда ты мне – не друг. Понимаешь?»

Они распрощались, как обычно, на автобусной остановке. В этой ритуальности было что-то нарочитое; Влад шел домой, и ему казалось, что он улетает в космос. Надолго, навсегда. Много раз исхоженная улица показалась ему трапом звездолета; горечь потери боролась с предчувствием неизвестно чего, но хорошего и обязательно нового.

Теперь все будет по-другому. Он не повторит прежних ошибок, все сделает набело, он будет принимать решения и исполнять их, как подобает мужчине. Димка еще услышит о Владе Палии...

На асфальте под мусорным баком валялась пластмассовая детская машинка с одним колесом. Длинная капроновая веревка подрагивала на ветру; не задумываясь, Влад наклонился, ухватил веревочку за твердый узелок на конце и потащил машинку за собой.

Машинка катилась, вернее, ползла на брюхе. Нарисованный на кабине водитель улыбался как ни в чем не бывало.

...Все они еще услышат. К тому времени они давно будут свободны – от необходимости видеть Влада, говорить с ним... Они увидят его по телевизору, но не ощутят ничего, кроме гордости за него – и, конечно, зависти. Тогда, может быть, он вернется. Они с Димкой встретятся... Димка никогда не завидовал ему... и покажется, будто они расстались вчера. Им будет о чем поговорить...

Влад споткнулся. А что, если выступать по телевизору ежедневно? Как ведущий новостей, например? Постоянные телезрители *привыкнут* к нему? Вот интересно, возможно ли такое?

Он машинально поправил съехавшую набок бабочку. Выпрямил спину. Гордо поднял подбородок; толстый дворник удивленно вытаращился на юного аристократа в костюм-тройке, с мечтательной улыбкой тянущего за собой детскую машинку об одном колесе.

Он добьется... он может добиться в жизни чего угодно. Мама хочет, чтобы он был врачом... Ему самому иногда этого хочется... Но главного решения он еще не принял. Он выберет сам – не позволит ни обстоятельствам, ни минутной слабости, ни даже маме выбирать за себя. Надо только выстроить свою жизнь так, чтобы умение Влада привязывать к себе людей играло ему на пользу, а не во вред. А если он сумеет это сделать – ого-го! Весь мир будет волочиться за ним, как эта вот машинка на веревочке. Только не надо спешить, надо выбрать, чего же, собственно, больше хочется – быть знаменитым телеведущим? Киноактером? Или даже президентом?

«Понимаешь, Димка, мне позарез надо куда-то поступить, не в этом году, так в следующем. Иначе меня заберут в армию... Представляешь, что будет, если я окажусь в армии?!» – «Да уж...» – «И ведь мама... Я должен найти такое место, чтобы от нее неподалеку...» – «Не

говори мне ничего!» – «Я и не говорю... Просто мне все равно придется вернуться домой, может быть, ненадолго...» – «Только не раньше осени. Когда все закончится. Когда многих наших в городе уже не будет... А меня не будет точно, Владка».

Влад остановился перед дверью своего дома. Поднял глаза к занавешенным окнам – так когда-то смотрела Иза...

«Обещай, Влад, что ты смотаешься на все лето и ни одна живая душа в городе не сможет тебя отыскать. Мы заключили с тобой договор, в котором ты представляешь себя, а я – всех тех, кто к тебе привязан. Самое лучшее, что ты можешь для нас сделать, – это свалить из города, и – с концами... Поклянись».

«Обещаю».

* * *

Поезд тронулся. Лента перрона поползла назад; Димка, стоявший у лотка с мороженым и смотревший в сторону, повернул голову и встретился с Владом глазами.

Небрежно поднял руку, помахал – как будто прощаясь по дороге из школы.

Перрон закончился. Влад вернулся в купе. Вытащил из сумки учебник по химии; разговорчивая соседка уже пыталась маму о том, куда они едут (в Старгород), и куда поступает Влад (в медицинский), и есть ли у них знакомства в приемной комиссии (к сожалению, нет), и занимался ли Влад с репетитором (что вы, он и так хорошо учится), и есть ли где остановиться (да, у родственников-знакомых), и что-то еще, одобренное личными соседкиными воспоминаниями...

У окна сидела девчонка, ровесница Влада. Смутно знакомая. Может быть, он видел ее на танцах, или в парке, или еще где-то.

Девчонка молча смотрела в окно. Дорожная болтовня двух женщин текла мимо, никак ее не затрагивая; когда Влад уселся напротив, девчонка мельком взглянула на обложку учебника. И снова отвернулась.

Усилием воли Влад заставил себя понять, о чем идет речь в книге. Перечитал главу в третий раз, в четвертый; на пятый раз соседкин голос отдалился и исчез, как будто между Владом и этой тетенькой в розовом летнем платье образовалась звуконепроницаемая стена. Влад читал, не поднимая глаз; девчонка напротив превратилась в деталь интерьера – наравне со шторами на окне, вешалками для одежды и чемоданом на багажной полке.

Потом текст уплыл в сторону, на его месте оказался узкий асфальтовый перрон, ларек с мороженым и Димка, небрежно машущий вслед.

Димка был демонстративно равнодушен. Уже начал отвыкать, подумал Влад с обидой. Ну ладно, не обнялись перед дорогой, Влад сам так захотел, чтобы не обнимались... Но хоть лицо-то не делать таким постным лучший друг мог бы?! Нет, Владу и так сойдет... у него же голова не болит в разлуке... температура не поднимается...

Но это ведь не значит, что совсем ничего не болит? Они – те, кого он оставляет, – трудное время проведут вместе. А он, Влад... что же, он теперь обречен на одиночество? Всю жизнь?!

Он закусил губу, прогоняя внутренний скулеж. Ничего ему не сделается... там увидим... главное испытание предстоит все-таки не ему, а...

Впереди июль и август. Все решится в июле, но Влад не сможет помочь ни Димке, ни другим одноклассникам. Вот помешать... Для того чтобы помешать, достаточно просто *найтись*. Жить они будут у родственников тети Веры, маминой старой приятельницы, а муж этой тети Веры знаком с матерью Ждана... И Ждан, если захочет – а он захочет! – узнать, куда уехал Влад, хоть завтра сумеет получить «засекреченную» информацию... Какие такие секреты в маленьком городе?!

Умиротворяюще постукивали колеса. Болтливая соседка пожелала переодеться в спортивный костюм; Влад покорно вышел в коридор, встал у окна, держась за поручень. Вечерело: чтобы увидеть в окне хоть что-нибудь кроме своего мрачного отражения, надо было прислониться к стеклу лбом и носом.

За спиной присвистнула, открываясь, дверь купе. Серьезная девчонка прошептала в конец коридора – и через две минуты обратно; остановилась у соседнего окна, прижалась к нему лицом.

– Поступить? – спросил Влад.

Девчонка отрывисто кивнула.

– В педагогический?

Она взглянула на него с царственным презрением:

– В театральный.

– А это где? – спросил Влад после паузы.

– В столице, разумеется, – отозвалась она недоуменно. – Или ты про другое спрашиваешь?

Она совсем не походила на девицу, собирающуюся быть артисткой. Во всяком случае, Влад воображал таких девиц совсем по-другому.

– А что туда сдают? – спросил он просто так, чтобы скрасить неловкую паузу.

– Мастерство, – сказала девчонка, будто облизывая сладкий леденец. – Прозу, басню, этюд, стихотворение, монолог, танец, песню...

– Много, – сказал Влад. – А химию не сдают?

Она не удержалась и прыснула.

– А биологию?

– Биология должна быть в человеке, – сказала она наставительно, и Влад понял, что она повторяет чужую фразу. – Актерская биология...

– У тебя есть?

Она смерила его таким взглядом, каким обычно обмениваются девчонки перед девчоночьей дракой:

– Есть. А тебе что?

Мимо по коридору прошел мужчина в мятом спортивном костюме, такой толстый, что и Влада, и его собеседницу едва не вдавило в стенку.

– Как тебя зовут? – спросил Влад несколько запоздало.

– Агния, – она подняла подбородок. – Как тебя зовут, я знаю... – И добавила, оглянувшись на прикрытую дверь: – И принесло же эту трепливую тетку в наше купе!

И оба потихоньку рассмеялись.

* * *

Простота экзаменов в театральный поразила Влада. Как ни убеждала его Агния, что выучить текст – не главное, убедить все-таки не смогла. Если человек сдает химию – всем ясно, что именно он сдает. Если человек читает перед комиссией стихотворение... ну как его оценить, если он прочитает громко, с выражением и ни разу не собьется?!

И еще – Влад никогда не был в столице.

И еще – экзамены в театральный приходятся на июль, а в медицинский – на август.

– Мама, – сказал Влад утром, когда до станции Старгород оставалось двадцать минут езды. – Я кое-что хочу тебе сказать...

Мама выслушала все его резоны молча. Поезд замедлил ход, справа и слева потянулись серые старгородские многоэтажки.

– Ты не хочешь, чтобы они узнали, где ты, – сказала мама, когда Влад совсем уж отчаялся услышать ее ответ.

– Я хочу посмотреть столицу... – смятенно залопотал он. – До экзаменов в Старгороде еще есть время...

– Но я же должна как-то предупредить... что мы не приедем сейчас...

Влад сперва не поверил. Обнял маму, ткнулся носом в душистое мягкое ухо:

– Так ты согласна?!

– Ты не понял, Владка. Я все равно позвоню тети-Вериным родственникам, объясню, где мы, и что с нами, и почему не приехали...

– Да, но в столице нас не найдут! Даже если через полицию станут искать!

Болтливая соседка, как раз выходявшая из купе, слышала последнюю фразу. Известно, о чем она подумала, но наблюдать за ней было забавно.

– Ты действительно во все это веришь, – задумчиво сказала мама.

Поезд подходил уже к станции.

* * *

Здание института походило на дом с привидениями – высокие сырые своды, гулкие полутемные пространства, галерея портретов вдоль стен. Рамы оказались гипсовыми, с наполовину облетевшей позолотой; изображенные на портретах люди смотрели мимо Влада, и на каждом лице лежало осознание великой славы, как будто даже сквозь слой многолетней пыли до нарисованных ушей доносилось эхо аплодисментов. Где не было портретов – имелись барельефы, провожающие абитуриента свирепыми белыми глазами; Влад не то чтобы робел – терялся поначалу. Ему никак не верилось, что происходящий тут цирк кем-то воспринимается серьезно.

Институт пребывал в кольце странной, экзотичного нрава молодежи. От девиц темно было в глазах – блондинки, брюнетки, толстые и тонкие, красивые и откровенно уродливые, и в придачу к ним целый выводок «серых мышей», которые тоже хотели стать артистками; парней собралось меньше, но все они говорили так громко и обладали голосами столь гулкими, что – затыкай уши. Разбившись по углам, абитуриенты разговаривали неестественными голосами, взвизгивали, хохотали, надсадно рыдали, бормотали, падали, лаяли, рычали, пели под расстроенную гитару – в общем, проделывали все для того, чтобы удивленный Влад счел их сумасшедшими.

Однажды в полутемном коридоре на него натолкнулась бледная девчонка с заведенными под лоб глазами. Губы ее непрестанно шевелились; Влад испугался.

– Королевская кровь – не такая, чтобы ею поливать огороды, – внятно произнесла девчонка. Посмотрела на Влада в упор, нахмурилась: – Кто ты таков, чтоб дерзостно... нарушить мой покой?

Влад начал понемногу пятиться. По счастью, девчонка уже забыла про него – брела дальше, взмахивая рукой, повторяя с истерическим смехом:

– Ах, кто таков он... Обезглавить! Обезглавить! Обезглавить!

Не может быть, чтобы ее не приняли, с суеверным ужасом подумал Влад.

Агния сразу влилась в общее безумие и даже организовала «этюды» – то есть немую сценку – под названием «Вокзал»; она и Влада звала с собой, но тот отказался. Ему было неловко участвовать в такой чепухе. Сказано – на первом экзамене надо прочитать стихотворение и басню; в школе он учился хорошо, кое-что из курса литературы да помнит...

Дожидаюсь своей очереди, слушая выкрики и завывания, доносящиеся из-за высокой крашеной двери, Влад решил про себя, что, если ему сразу же поставят двойку – он скорее

обрадуется, нежели огорчится. Все-таки он дал маху, приехав вслед за Агнией в театральный. Лучше бы химию учил на пляже...

Его вызвали.

В большой пустынной аудитории имелся стол, за которым восседали, подобно средневековой инквизиции, усталые мужчины и женщины – многие из них уже прожили полвека, а то и больше. Владу стало жаль пожилых людей: в аудитории духота, чередой абитуриентов не видно конца, а они сидят и сидят, слушают и слушают все эти выкрики и стоны, в то время как на дворе лето, отличная погода, самое время везти внуков на дачу...

– Что вы нам почитаете? – спросила полная, как луна, экзаменаторша.

– Что-нибудь короткое, чтобы не очень вас утомить, – от чистого сердца сказал Влад.

Экзаменаторы переглянулись.

* * *

Девчонок должны были прослушивать позже; Агния, вся в красных пятнах, бродила по коридору, бормоча, воздевая руки и то и дело натываясь на других абитуриентов, таких же бормочущих и погруженных в себя.

Владу захотелось подойти к ней. Просто сказать, что комиссия вовсе не страшная – обыкновенные усталые дядьки и тетеньки, и даже доброжелательные – вон как ласково с Владом разговаривали... Он уже сделал шаг – но идти дальше помешала ему неосознанная, наполовину утопленная в подсознании мысль.

Они ехали в одном купе, стояли рядом у окна, теперь они общаются каждый день, разговаривают. Очень скоро им суждено расстаться (Влад, в отличие от прочей абитуры, прекрасно понимает, что дорога его лежит в Старгород, на вступительные в мединститут). А кто знает, как отольется Агнии еще один разговор с Владом... Сколько их должно быть, этих разговоров, чтобы Агния своей шкурой расплатилась за случайное знакомство? Даже если это будет легкое недомогание... Во время экзаменов – очень нехоти...

И, подумав так, Влад не подошел к Агнии. По неудобной скользкой лестнице спустился в облицованный мрамором подвал, выпил газированной воды из старого автомата, гудящего как трактор. Все-таки плохо, если ему поставят двойку сразу же. Придется забирать документы и ехать в Старгород. С другой стороны, если поставят тройку – придется придумывать этот дурацкий «этюд»... «Вообрази, что ты открываешь банку кильки в томате, а там – живая змея...»

Он не выдержал и улыбнулся.

В любом случае можно и задержаться на недельку. Просто погулять... А то он и столы-то не видел. Пока нашли институт, пока нашли комнату, чтобы поселиться... Комната тесная, на кухне вечно сидит старушка-хозяйка. Но кто сказал, что у тети-Вериных родственников будет уютнее...

– Эй, иди, там ваши оценки вынесли, – сказал ему долговязый парень-первокурсник.

И Влад пошел.

В экзаменационном листке, украшенном очень неудачной Вladoвой фотографией (выпученные глаза, нос картошкой, волосы торчком), красовалась кособокая пятерка. У прочих ребят, сдававших с ним «в серии», были тройки, и только у одного – «четыре».

...Запустили девчонок. Влад остался поболеть за Агнию – за чужими спинами; девчонки выходили из аудитории красные, бледные, гордые, растерянные, испуганные...

Потом вынесли оценки. Влад видел, как Агния первой схватила свой листок...

И как ее перекосило, как задрожали губы.

Влад рванул к ней, маневрируя между потными абитуриентками; двойки не было. Но Агния получила «три», а это означало – почти конец.

* * *

Каждое утро, просыпаясь, он первым делом думал о Димке.

Жалко родителей.

Димка в больнице – или уже нет?

Димка в реанимации – или все-таки обошлось?

Он тосковал по Ждану, по Марфе, по Антону, даже по самым неприятным своим одноклассникам неожиданно остро тосковал. Он вспоминал, как в восьмом классе они чуть было не поехали на экскурсию в столицу, но что-то в последний момент сорвалось; вот было бы здорово, если бы они вместе гуляли по этим улицам!

Абитуриенты театрального казались ему чужими и глупыми. Вот если бы ребята были здесь...

Он тосковал – и немного стыдился собственной сентиментальности. Таскал в сумке выпускную фотографию – не официальную, а любительскую, сделанную чьим-то папой. Очень удачный снимок: они всей оравой спускаются со школьного крыльца, ночь теплая, выпускной вечер в разгаре...

Иногда в нем поднимались смутная злость, обида и раздражение. По какому праву он лишен возможности видеться с друзьями? Кто сказал, что он должен исчезнуть из их жизни навсегда?

В тот день, когда они вместе с Димкой шли рассветными улицами, – все было понятно. Печалило, но не вызывало сомнений; теперь Влад не был уверен, что поступает правильно.

Почему? По какому закону? По чьему произволу? А вот он хочет вернуться домой и увидеть Димку... А почему нет?

Мама видела, что с ним творится неладное, но не пыталась ни о чем спрашивать. То звала на прогулку, то подсовывала учебник химии...

Каждое утро, просыпаясь, Влад думал о тех, кого оставил, наверное, навсегда.

* * *

– Ты не разговариваешь со мной, потому что у тебя «пять», а у меня тройка?

– С чего ты взяла, что я с тобой не разговариваю?

– Почему ты отворачиваешься, когда меня видишь? Кто ты вообще такой? Где бы ты был, если бы не встретил меня в поезде?.. А может, ты вообще все разыграл? И с самого начала готовился, ехал поступать...

– Я в медицинский пойду!

– Ага... Давай, ври. Еще учебник с собой притащил... Может, у тебя там детектив в обложке от «Химии»...

– Ты соображаешь, что говоришь? Я еще монолог на второй тур... я еще не выучил!

– Ага, ага... Далеко пойдешь. Только ко мне больше не подходи, понял? Обманщик, трепач...

– Это я-то?!

– Все, пока. Считай, что мы незнакомы...

* * *

Агнию окончательно срезали на третьем туре. Она уехала не прощаясь.

Ему ставили пятерки – одну за другой.

– По-моему, они меня с кем-то путают, – всякий раз говорил он маме.

После трех туров оказалось, что надо сдавать еще историю и писать сочинение; Влад думал, что провалится хотя бы на истории, – но ошибся. Из трех вопросов он приблизительно знал лишь один, однако на деле хватило и половины. Выслушав несколько сбивчивых фраз, экзаменатор кивнул и поставил «четыре».

И тогда только, стоя посреди летней загазованной улицы, Влад впервые ощутил, что неотвратно поступает. Что двери в институт, такие узкие для многих, не просто распахнулись перед ним – они его втягивают насильно, как пылесос бумажку.

* * *

Был конец июля. На другой день после экзамена по истории Влад проснулся – и первым делом подумал, что там, в оставленном городе, наконец-то все уже решилось.

Скорее всего, Димка уже выписался из больницы, а это значит – все. Нити порваны, мосты сожжены, Влад больше никогда не увидит своего самого лучшего, самого правильного друга.

А что такое звонок по телефону? Просто один звонок?

Переговорный пункт был совсем рядом. Два квартала по улице вниз.

Влад постоял перед вращающимися стеклянными дверями. Вошел; в помещении было прохладно, в деревянных кабинках топтались люди, их приглушенные голоса сплетались в общий негромкий гомон. У кассы стояла очередь человек в пять-шесть; Влад пристроился к ее хвосту.

Собственно, что мешает ему позвонить... нет, не Димке, а Димкиным родителям? Услышать от них, что сын уже здоров? Или хотя бы выздоравливает?

Обещал ли он Димке, что не будет звонить его родителям? Влад никак не мог вспомнить. Кажется, про родителей в их договоре ничего не было.

«Мы заключили с тобой договор, в котором ты представляешь себя, а я – всех тех, кто к тебе привязан...»

Пару лет назад, когда Влад убежал из лагеря, ребята хворали самое большее дней десять... А с момента отъезда прошло уже три недели.

Значит, они уже здоровы. Свободны – от Влада. Ну хоть раз, может быть, вспомнили?

Ему вдруг стало так обидно, что на глаза навернулись слезы. Им хорошо, они свободны и все вместе. А он – будто меченый какой-то, прокаженный, что ему, всю жизнь теперь бежать от людей?! Никого не полюби, ни с кем не подружись...

«И, Влад, если ты вернешься... тогда ты мне – не друг. Понимаешь?»

Димка только о себе думает. А как он, Влад, будет теперь без него всю оставшуюся жизнь – он задумался?!

– Молодой человек, заснули? Разговор заказывать будете?

– А... – Влад разглядывал немолодое лицо за толстой переборкой из оргстекла. – Я... нет. Извините.

* * *

На последнем экзамене уцелевшие абитуриенты – а их было очень немного, в несколько раз меньше, чем перед началом испытаний, – загнаны были в просторную аудиторию, где на черной доске, точно такой же, как у Влада в школе, написаны были предлагаемые темы.

Влад смотрел, как они читают свою судьбу. Как мучительно шуряются девчонки, прежде скрывавшие от экзаменаторов свою близорукость. Как бледнеют ребята. Как они сидят, смиренные, притихшие, и еще раз перечитывают меловые надписи на черной доске, и с ужасом глядят

на листы линованной бумаги у себя на столах – каждый листочек, подобно приговору, запятнан зловещей лиловой печатью.

– Все смотрят на доску, а ты – по сторонам? – негромко спросила преподавательница неизвестно каких наук, приставленная наблюдать за сочиняющими.

– По сторонам интереснее, – честно признался Влад.

Преподавательница покачала головой и пробормотала под нос таинственную фразу:

– Актерская природа...

Абитуриенты определились. Кто-то раздумывал, грызя пластмассовый кончик ручки. Кто-то уже строчил на листке с печатью. Одна девчонка заранее плакала; надзирающая преподавательница отвлеклась от Вladoвой природы и пошла ее утешать. Тогда Влад решил наконец посмотреть на доску.

Две темы были стандартные, по литературе за десятый и девятый классы. Третья хоть и свободная, но тоже стандартная до невозможности: «Кем быть? Каким быть?»

Влад усмехнулся. На листке, предназначенном для черновика, нарисовал точку и надписал название родного города. В другом углу листа нарисовал точку побольше и написал: «Столица»; провел от руки прямую линию. Написал красиво, как на уроке черчения: «1000 км».

Сможет ли мама бросить работу? И переехать в другой город?

Это означает – продать квартиру? Это означает – вообще все потерять? Для того, чтобы Влад овладевал сомнительной профессией ради какой-то там славы в будущем?

На проведенном отрезке, ближе к родному городу, Влад нарисовал Старгород с его мед-институтом и тети-Вериными родственниками.

...А химию он совсем забросил. И биологию... и физику... Как он будет поступать?! Это не стишки читать и не танцевать под баян, как медведь на детском празднике... А вдруг он не поступит?!

А не поступит – и не беда. Армия потерпит еще годик... Главное – пережить это лето. Июль уже пережили кое-как...

Через пару дней начнутся экзамены и у Димки, и у Ждана, и у Марфы; Влад вздохнул. Притянул к себе листок, предназначенный для чистовика; взялся писать сразу начисто, слова приходили сами, Влад счастливо усмехался; надзирающая преподавательница бросала на него удивленные взгляды – вероятно, среди бледных абитуриентских лиц блаженная физиономия Влада бросалась в глаза, как помидор на льду.

«Кем я хочу быть? – вопрошал бумагу Влад. – Петухом на большом птичьем дворе. Чтобы вокруг было много белых, пушистых, безответных кур. И чтобы из соседнего двора иногда прилетал соседский петух, мы бы с ним дружили и дрались. Я хотел бы сидеть на заборе – над всеми... всеми любимый и никому ничем не обязанный. Так и прожить всю жизнь – никуда не ездить, ничему не учиться, топтать кур и не бояться кухаркиного ножа. Вот кем я хочу быть... а каким быть – свободным. Я хочу быть свободным, и чтобы те, кого я люблю, были свободны от меня...»

Влад спохватился. Перечитал написанное, хотел зачеркнуть – но вспомнил, что в чистовике исправления не разрешаются. Махнул рукой – какая разница... Это его сочинение – прощание с театральным институтом, который хотел его в себя поступить, но который получит шиш с маслом, а не Влада. Лучше бы Агнию приняли...

«А вообще-то я пошутил, – дописал он. – Я не хочу быть актером. Я поступал в ваш институт просто так, ради интереса. Спасибо за внимание».

Он поставил точку, поднялся и, оставив «сочинение» на экзаменаторском столе, пошел к выходу.

– Погоди! – нервно сказала надзирающая преподавательница. Встала в дверях, почти перегородив дорогу: – Погоди... Трудные темы? Ты не дописал? Ты чего-то не понял? Не надо нервничать. Я могу принести новый листок, и ты заново напишешь, время еще есть...

– Спасибо, – сказал Влад с сожалением. – Я полностью раскрыл тему... больше мне сказать нечего.

И, выйдя на улицу, вдруг подумал: а почему незнакомая тетушка так о нем печется? Он же впервые в жизни ее видит...

* * *

– Тебя зачислили, – сказала мама.

С утра они были в Музее изобразительного искусства. Потом замечательно погуляли по зеленым склонам городского парка, а вечером – в двадцать два десять – у них поезд на Старгород. Влад уже взял билеты.

Сорок минут назад мама вышла как бы за хлебом – но оказалось, что списки поступивших уже вывесили.

– Тебя зачислили, – повторила мама со священным ужасом. – Молодец, Владка...

Он задвинул наполовину упакованный чемодан под хлипкую раскладушку, служившую ему спальным местом вот уже почти месяц.

– Ты не ошиблась? – спросил безнадежно.

Мама замахала руками, как ветряная мельница в бурю.

Билеты в Старгород лежали в заднем кармане брюк. Экзамены в мединститут начинаются послезавтра...

– Такой сумасшедший конкурс, – тихо сказала мама. – Я не верила ни минуты... Ты что же, не рад?

– Рад, – сказал Влад и сел на раскладушку. Не стоило этого делать; алюминиевые трубочки, запросто выдерживающие абитуриента, под студентом подвернулись и сложились сами собой; если бы не чемодан – Влад отшиб бы себе мягкое место.

Может быть, он успел *привязать* к себе приемную комиссию?

Невозможно. Они и видели-то его всего четыре раза... На расстоянии, в течение пяти-шести минут... Нет, не может быть, нереально.

Что же он, получается... талантлив?

* * *

– Одаренные люди часто не вписываются в общепринятые рамки, – самодовольно сказал профессор. – Вы – безусловно одаренный человек, Палий... Однако, чтобы достичь чего-то в нашем ремесле, необходим труд, труд и еще раз труд.

Профессор был высок, красив и элегантен до последней детали. Даже платок, которым он протирал очки, был элегантен каждой каемочкой. В кабинете стоял элегантный запах одеколона пополам с застоявшимся табачным духом.

Влад был польщен.

Умом он понимал, что следует извиниться, забрать документы и бежать сломя голову, – однако лень расслабляла, подобно теплой ванне. Влад плыл и купался в осознании собственной исключительности; оказывается, он талантлив. Его дерзость милостиво сочли за проявление яркой индивидуальности.

Это судьба, думал Влад, глядя, как затейливо шевелятся седые усы профессора, когда тот разговаривает. Судьба подсунула ему в купе абитуриентку Агнию, судьба привела его в столицу и чуть не насильно впишнула в будущую профессию. Вот захоти он поступить в театральный – сроду не поступил бы. Нет, в эти двери надо входить играя, не боясь провала, вообще ничего не боясь, веря в себя...

Веря в себя. Это Влад подумал? Или это слова профессора?

Мама ждала его в вестибюле. Увидев ее лицо, Влад похолодел:

– Что случилось?

– Плохо себя чувствую, – тихо сказала мама. – Эти перепады давления... Не волнуйся, Владка. Мне просто надо отдохнуть.

Влад подставил ей локоть; они вышли в жару, пыльную предгрозовую сушь большого города, и мама, схватив воздух ртом, сильнее налегла на его руку:

– Душно...

– Ничего не случилось? – спросил он тревожно.

Шаря, как слепая, мама вытащила из сумки валидол, бросила таблетку под язык.

– Ты не волнуйся, – сказал Влад. – Теперь все будет хорошо.

– Да, да... Вот скамейка, давай присядем.

Они сели в жидкой тени прокопченного выхлопными газами куста. Мама молчала; с востока напозала, чуть не путаясь в высоких проводах, приземистая черная туча.

* * *

«...Седьмого, восьмого и девятого июля с диагнозом «интоксикация неизвестного происхождения» госпитализированы двадцать семь человек. Всего за врачебной помощью обратились шестьдесят три человека, из них сорок девять – выпускники школы номер сто тридцать три.

К двадцать шестому августа выписаны на амбулаторное лечение двадцать шесть человек. Пострадавший Дмитрий Шилов, семнадцати лет, скончался в больнице от острой почечной недостаточности.

По факту массового отравления неизвестным веществом возбуждено уголовное дело».

Газета летела, раскинув примятые серые крылья. Безголовая птица.

Тень ее ползла по асфальту – черный четырехугольник.

Газета летела, уносимая пыльным ветром, но Владу казалось, что у нее есть собственная злобная воля.

Что «Последние известия» слетаются к нему, как вороны.

И это только кажется, что газетам нечем выклеивать глаза.

Часть вторая

Глава 6

Анжела

Поездка сквозь снег похожа на полет сквозь звезды. Подсвеченные фарами снежинки летели навстречу, бились о стекло и уносились назад, а на их место прилетали новые. Темное утро представлялось космосом; время было раннее, тучи обложные, рассвет не торопился.

Иногда – очень редко – попадались встречные машины, нагло слепили фарами и убивались вслед за улетающими снежинками, назад, в прошлое. Спать не хотелось; началось «сегодня», очень важный и напряженный день, не то что апатичное «вчера»...

Дальний свет фар пробивал пространство далеко вперед; полосатые столбы и редкие дорожные знаки вспыхивали бело-голубым отраженным огнем. Светало; на сереющем небе обозначились верхушки сосен, обозначился снег на растопыренных ветках, обозначилось наконец утро; впереди на дороге обозначилась человеческая фигурка возле приткнувшейся к обочине машины.

Влад притормозил.

На дороге стояла, подняв руку, женщина в длинной рыжей шубе. Больше вокруг никого не было – нетронутые сугробы и красный автомобиль, тремя колесами провалившийся в заснеженную рытвину.

Чтобы так въехать, нужно долго тренироваться, подумал Влад.

– Простите, – сказала женщина.

Ресницы у нее смерзлись вместе с нанесенной на них тушью. Скулы были очень красные, губы запеклись на ветру; то, что Влад поначалу принял за покрытую снегом шапку, оказалось копной каштановых волос, правда, тоже заснеженных.

– Не могли б-бы... помочь, – сказала женщина, стуча зубами. – Я застряла...

– Добрый день, – приветливо поздоровался Влад.

– ...на буксир! – взмолилась женщина. – З-замерзну... М-мобилка не берет... Д-д-д...

Проваливаясь в снег выше колена, Влад обошел вокруг красной машины. Выбрался на дорогу, потопал ногами, пытаясь вытряхнуть холодное и мокрое из высоких ботинок.

– Садитесь за руль и выверните до отказа влево...

Открыл свой багажник, вытащил трос; дама уже сидела за рулем, в своей необъятной шубе похожая на медведя-технократа.

Влад зацепил пострадавшую машину, выехал на более-менее твердое пространство и потихоньку дал газ. Трос натянулся, салон наполнился вонючим выхлопом, колеса вращались вхолостую, в зеркальце заднего обзора Влад видел, как дергается в рытвине красный автомобиль – точно мышка, чей хвост надежно припечатан кошачьей лапой.

Н-да.

Не выключая мотор, Влад выбрался из машины. Дама в шубе смотрела на него с отчаянием.

– Машина ваша? – спросил Влад.

– Прокатная, – сказала женщина безнадежно.

– Давайте так. Я довезу вас до автостанции, и вы оттуда вернетесь с трактором.

– Простите, – сказала женщина. – Нельз-зя ли погреться у вас в салоне? А то моя печка...

...От шубы пахло мокрым зверем, но не противно, а скорее трогательно. Снег на спутанных волосах таял, сбегая ручейками даме за шиворот; дама вздрагивала и поводила мохнатыми плечами.

– Я не вз-зяла такси. Сдуру... Решила прокатиться своим ходом, люблю, понимаете, когда с-сама за рулем...

– Зачем вы съехали к обочине? – кротко поинтересовался Влад.

Дама вздохнула:

– Понадобилось. Остановиться. На минуточку.

Снег валил все бодрее. Влад с беспокойством подумал, как бы самому не увязнуть в сугробе.

– Откройте, пожалуйста, бардачок, вот прямо перед вами...

Рука у женщины была очень тонкая, почти детская, и очень красная от холода. Ногти длинные, красивые, под светлым перламутровым лаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.